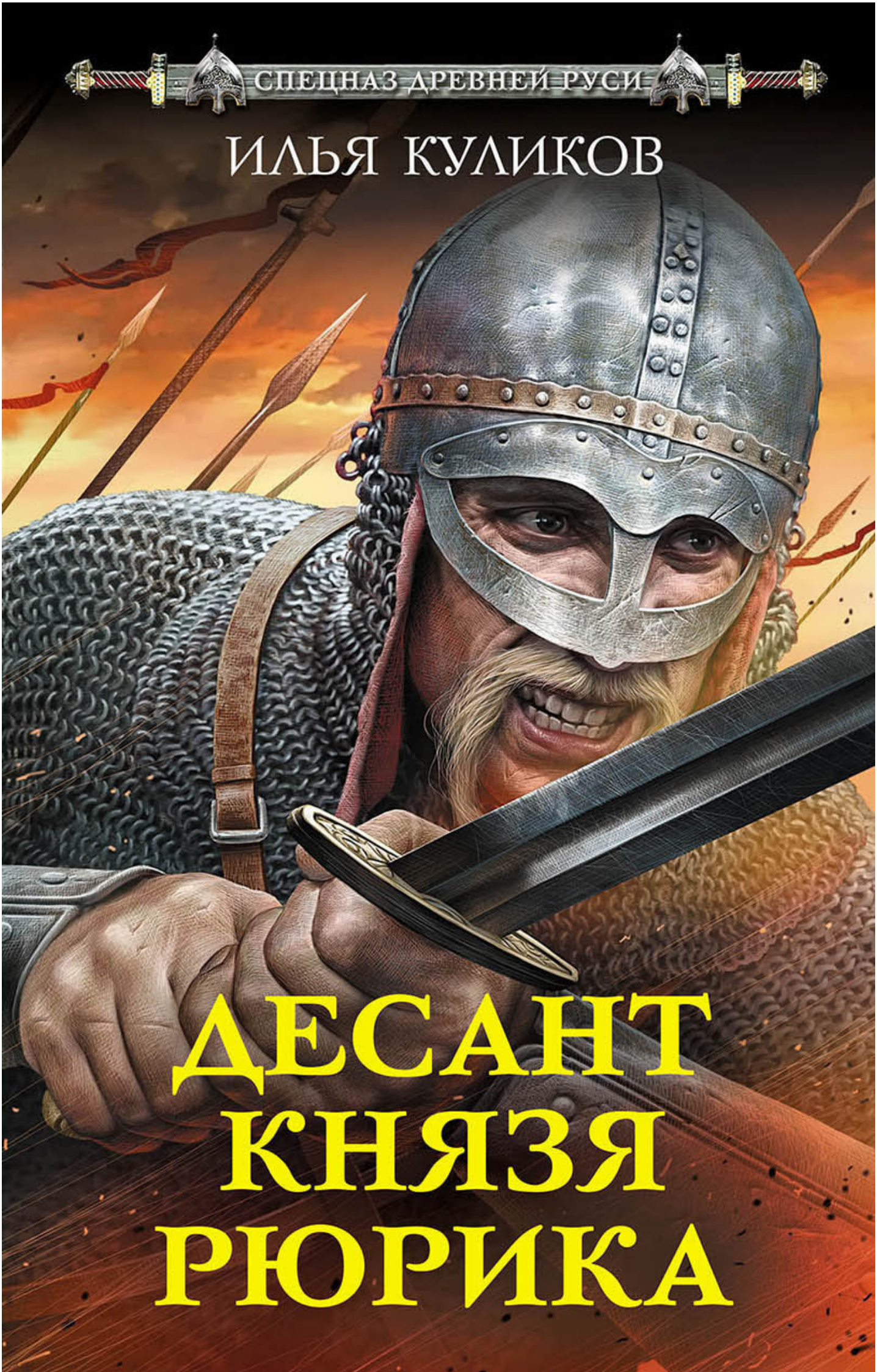
СПЕЦНАЗ ДРЕВНЕЙ РУСИ
ИЛЬЯ КУЛИКОВ
ДЕСАНТ КНЯЗЯ РЮРИКА

Спецназ Древней Руси

Илья Куликов

Десант князя Рюрика

«Махров»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Куликов И. Ф.

Десант князя Рюрика / И. Ф. Куликов — «Махров», 2018 — (Спецназ Древней Руси)

ISBN 978-5-04-092671-8

Подразделения морской пехоты всегда считались элитными воинскими частями во всех странах мира. Но кем были первые морские десантники на Руси? В те дни, когда начиналась история нашей страны, среди славян не было единства. Разрозненные и плохо обученные, они всегда становились жертвами нападений викингов — опытных и сплоченных воинов. Кто бы мог подумать, что всего через несколько лет после прихода Рюрика славяне научатся выстраивать стену щитов не хуже, чем заморские воины! Вскоре от их десантов содрогнутся Хазарский каганат и Византийская империя. Долгое время Русь будет именоваться владением варягов, а желание господствовать на море навеки останется в сердцах русских людей.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092671-8

© Куликов И. Ф., 2018
© Махров, 2018

Содержание

Часть 1 6
Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 18
Глава 5 22
Часть 2 26
Глава 1 26
Глава 2 30
Глава 3 34
Глава 4 38
Глава 5 42
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Илья Куликов
Десант князя Рюрика

© Куликов И.Ф., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Часть 1

Глава 1

Старый Город славян был достаточно большим поселением. В нём было около десяти родов, в которых проживали от десяти до двух сотен человек в каждом. Раскинувшийся на побережье Варяжского моря, он был крупным центром торговли. Именно туда приходили все главы родов, живших в окрестностях, чтобы держать совет и вести торг.

Старый Город никто не основывал. Он появился сам по себе, и уже никто не помнил, кто был тот самый первый человек, который построил здесь своё жилище. Впрочем, не зная подлинного его имени, многие главы родов, населявших Старгород, именовали его своим предком. Одни говорили, что этот человек был славным боем, то естфь воином, а другие говорили, что он был князем, то есть владельцем коня.

Впрочем, и те и другие сходились на том, что человек этот был могучим богатырём, жил почти два века, был любимцем богов и владел конём. Были и те, кто говорил, что человек этот был мореплавателем и рыбаком. Как ни странно, таких родов, что считали, что основал город рыбак, было тоже немало. Как правило, это были недавно поселившиеся здесь роды, которые не хотели видеть в основателе города какого-то героя, а сказывали, что он был ничем не примечательным человеком, единственной заслугой которого была его плодовитость, ну, и везение, с которым он выбрал место, где будет жить его род.

Гостомысл был известным боем, старшим одного из древнейших родов Старгорода и, как положено, прямым потомком основателя Старгорода. Гостомысл был уже немолод, но, разменяв шестой десяток, он сохранил свою силу и заслуженно считался одним из лучших боев Старгорода. Его просторный дом стоял чуть ли не по центру города. Впрочем, о том, где находится центр города, также шли безостановочные споры. У самого Гостомысла было много детей и три жены. Одна, Беляна, была на десять лет старше его. Она была женой покойного брата и после его смерти, как и полагалось, поселилась в доме брата своего супруга. Детей Беляна не имела. Другая, Любава, была его избранницей и матерью девяти его детей, а вот третья, Ростислава, была женой его младшего брата Пересвета, который пал в битве с кривичами год назад. Ростислава была на десять лет младше Гостомысла и имела четверых детей.

Сказывали, что Ростислава после смерти мужа хотела наложить на себя руки, но ей не дали совершить это, так как у неё были дети и их нужно было воспитывать.

Семья у Гостомысла была большая. Все многочисленные дети называли его отцом, а его жён матерями, не сильно выделяя, кто из них их мать по крови, а кто по положению. Старшие сыновья женились и уже имели своих детей. Некоторые из внуков Гостомысла были ненамного младше детей Ростиславы. Дочери привели в семью своих супругов и также родили по несколько детей, а супруги нередко приводили в семью новых жён, так как жёсткие нравы славян нечасто позволяли мужчинам состариться. Новые женщины приходили со своими детьми.

В доме у боя Гостомысла негде было яблоку упасть, но жили все дружно на зависть другим родам. Всего род Гостомысла насчитывал более ста человек и постоянно разрастался. Мужчины в роду у Гостомысла были сильными и в случае чего способными держать топор в руках. Был у Гостомысла и конь, так что он мог справедливо именоваться князем, правда, он предпочитал, чтобы его величали боем.

В месяц травный, или май, в дом Гостомысла постучалась беда. Его старший сын Всеволод погиб в драке с неким Радимиром, который, презрев всякий порядок, решил силой отобрать добытое на охоте. Весть в дом Гостомысла принёс его внук и сын Всеволода Осмомысл.

– Папка не хотел отдавать набитых на охоте уток, но Радимир, не желая слушать, достал топор и нанёс им рану моему батюшке, а после сказал, что он потомок князя и основателя города, поэтому ему дозволено брать то, что добыли другие, так как все, кто поселились на землях его родителя, должны смириться.

Гостомысл посмотрел на плачущего внучка и погладил его по голове. Страшно парнишке, ведь прямо на глазах его батюшку убили. Пролилась кровь рода, и на такое нельзя не ответить. Убийца должен быть убит! Гостомысл с болью вспомнил, как много лет назад он впервые взял на руки кричащего младенца. Всеволод! Так будут звать ребёнка, решил он, и вот теперь этот ребёнок вырос и превратился в зрелого мужа. Теперь он убит, и его дух требует мести.

– Заберите тело моего сына и принесите его в дом! – обратился он к женщинам своего рода, а после посмотрел на собравшихся мужчин. – Берите топоры и копья, дети! Идём к Радимирову отцу Властимиру и потребуем, чтобы он выдал нам убийцу!

– Веди нас, отец! – закричал другой сын Гостомысла по имени Ждан. – Кровь Всеволода взывает к нам, он требует мести!

Гостомысл посмотрел на своих сыновей (так он называл всех мужчин своего рода) и увидел, что все они хотят пролить кровь в отместку за Всеволода. Как отец он хотел того же, но как глава рода он мыслил о том, как бы не потерять других своих сынов, понимая, что если Властимир не решится выдать ему Радимира, то прольётся кровь.

– Дети, берегите себя в битве, но помните, в нашем роду трусов нет. Помните, что мы все отвечаем друг за друга. А ты, Володарь, куда встал, а ну-ка, иди к другим детям!

– Батюшка, – проговорил Володарь, которому было не больше десяти лет, – я уже готов биться и могу принести пользу!

– Нет! Володарь, – ответил Гостомысл, – в битве ты будешь лёгкой добычей, и вороги сразу поймут это. Чтобы спасти твою жизнь, твои родичи отдадут свои. Тебе ещё не время лить кровь!

Все мужчины, взяв в руки оружие, пошли к дому Властимира, полные решимости кровью заплатить за кровь. Властимир, отец Радимира, вместе со своими сынами вышел им навстречу. Властимир был немного старше Гостомысла, но также не был обделён здоровьем и готов в случае чего отстаивать свою правду с топором в руке.

– Приветствую тебя, бой Гостомысл! Знаю, зачем ты с оружием идёшь ко мне, но прошу тебя остановиться и опустить топор. Мой сын Радимир пришёл домой в крови и с глубокой раной и рассказал мне о том, что случилось на охоте. Твой сын был там вместе со своим сыном. Их охота была неудачной до той поры, пока мой сын не указал твоему сыну болото, где много птицы, прося за это треть улова. Твой сын набил уток, но не сдержал слова, сказав, что он потомок боя и ему не пристало давать настрелянных им уток. Между ними произошла драка, в которой твой сын ранил моего, а мой убил твоего. Дело печальное, но уберём оружие и переговорим. Я заплачу тебе положенную виру за то, что мой сын лишил жизни твоего сына. Но Радимира я тебе не выдам.

– Ложь! Мы знаем, как всё было, – закричал один из родичей Гостомысла, – ты укрываешь убийцу, а дух нашего родича требует отмщения! Кровь за кровь! Смерть за смерть!

Гостомысл прикрыл веки и постоял некоторое время с закрытыми глазами, представляя, что он сейчас общается со своим сыном Всеволодом.

– Скажи, как было дело, – мысленно обратился Гостомысл к умершему.

– Батюшка, спроси у моего сына, который был свидетелем. Радимир не был мной ранен, а увечье нанесли ему его родичи, наказывая его и желая таким образом отвратить нашу месть. Мой топор не был окровавлен, и его принёс мой сын. Ты сам видел его.

Гостомысл открыл глаза и посмотрел на Властимира, который, понимая, что Гостомысл сейчас разговаривает с умершим, молчал.

– Всеволод был убит, и его топор принёс в дом его сын. Я сам видел, что на нём нет следов крови, а посему Всеволод не мог ранить твоего сына. Я опять прошу тебя отдать мне Радимира. Он будет судим мужчинами моего рода, а после я решу, какую смерть он примет. Ты заберёшь его тело, как я забрал тело своего сына.

– Бой Гостомысл, я не хочу крови, но не выдам тебе на поругание своего родича, который к тому же был ранен. Я готов заплатить виру за жизнь твоего сына, но своего не выдам.

– Тогда прольётся кровь! Кровь за кровь!

– Да будет так, бой Гостомысл, но невиновного на смерть не выдам.

Главы родов разошлись к своим родичам и повели их в бой.

– Родичи, дух Всеволода гуляет по земле и взывает о мести! Вспомните, как вы вместе с ним бражничали и как он делил с вами кусок мяса в дни, когда дичи не хватало на всех. Он – мы, мы – он! Кровь смывается только кровью.

Сшиблись в сече люто и бились отважно с обеих сторон, не жалея ни себя, ни противников. Гостомысл могучим ударом поразил своего противника и, раздробив его голову топором, провозгласил:

– Тебе, Всеволод! За тебя эта кровь!

Вскоре Всеволоду посвятили жизни ещё троих родичей Радимира. Властимировичи дрогнули и стали бросать оружие.

Гостомысл подошёл к Властимиру, который был ранен и стоял, поддерживаемый одним из своих детей.

– Гостомысл, твой сын отомщён, и его дух успокоится. Но помни, что ты несправедлив.

– Я заберу Радимира, и он будет судим. За его телом пришлёшь через три дня.

Властимир ничего не ответил и лишь, опустив глаза, смотрел на тело одного из своих родичей.

Гостомысл не хотел упиваться победой. Он понимал, какую незаживающую рану он сегодня нанёс роду Властимира, забрав сразу четверых взрослых мужчин, но понимал, что только так можно сохранить в городе порядок. Ведь коли станет можно убивать друг друга безнаказанно, то каждый поднимет свой топор, и тогда начнётся великая смута.

Гостомысл помнил, как в далёком прошлом безнаказанно убивали друг друга и как в один день собрались главы родов и решили остановить кровопролития, приняв решение, что кровь должна быть наказана кровью и никто не смеет забирать жизнь ни в каком случае, так как, забрав жизнь, он заплатит за неё своей. В случае если человек забрал жизнь другого не по своей воле, а по случайности, то тогда семья его должна была выплатить виру семье потерпевшего, даже если тот защищался. С тех пор хоть кровь и продолжала литься, людей умирать стало меньше.

Он судил Радимира следующей ночью в глубине леса в сени дубов, где жил бог суда Праве. Радимир был и вправду тяжело ранен, но говорить мог. Когда ему сообщили его вину, то он дал ответ:

– Бои! Я убил Всеволода в драке, так как тот не отдал положенной мне части уток, которых набил в том месте, где я ему указал. Но драку он начал первым, так как считал себя сильнее меня и похвалялся при этом, что он потомок боя и основателя города, а посему я должен ему безвозмездно услуживать, на что я ответил ему, что во мне течёт кровь князя, а именно князь основал город. Тогда Всеволод сказал, что он убьёт меня, и достал топор. Я был быстрее и победил Всеволода, но он ранил меня. Коли я был бы виновен, позволил бы я сыну Всеволода отправиться и позвать вас?

– Тогда ответь, почему топор Всеволода не был покрыт запёкшейся кровью? – спросил Гостомысл у Радимира.

Гостомыслу, как и любому главе рода, давно надоело выяснять, кто же всё-таки основал Старый Город – бой, который владел конём, или князь, который был богатырём, а также каким

прародителем кому он является. Но он понимал, что были дни, когда он сам не мог сносить неправды и готов был отдать жизнь за своё право именоваться старейшим родом в Старгороде.

– Не ведаю сего, – отвечал Радимир, – может, сын Всеволода вытер его, но я не знаю.

– Тогда скажи, Радимир, знал ли ты, что даже если вы вступили в драку, то нельзя лишать другого жизни, и нет разницы, от кого происходит его род – от князя или боя?

– Ведал, но это вышло случайно, так как мой удар должен был лишь покалечить Всеволода, а он убил его.

Гостомысл понимал, что такое часто бывает. Многие заплатили за это жизнью, и теперь он должен принять решение. Конечно, он понимал, что теперь не выяснишь, кто был прав – Радимир или его сын Всеволод. От его решения зависела судьба Радимира. Если бы Властимир сразу отдал ему убийцу сына, то он, может, и простил бы его, потребовав виру, понимая, что хоть и больно ему это, но Всеволод был не в своём праве или, во всяком случае, также виновен. Но теперь, когда уже пролилась кровь и на правосудие Радимир был приведён после битвы, Гостомысл решил покарать его смертью.

– Я принял решение, что ты виновен, – сказал Гостомысл, – и если не в том, что убил моего сына, то в том, что укрылся от правосудия. Но я предлагаю тебе самому выбрать смерть, которой ты умрёшь.

Радимир промолчал, собираясь с мыслями, а затем проговорил:

– Я хочу умереть в бою.

Гостомысл кивнул и достал топор. Радимиру тоже дали топор, и они встали друг против друга. Радимир едва смог подняться на ноги, но всё же сделал выпад и тотчас же был сражён ударом Гостомысла.

Глава 2

С того дня прошло несколько недель. Наступил месяц изок, или июнь. Изок – это чудесная певчая птичка, которая прилетала в земли славян, как и многие другие, лишь на короткие летние дни, но её пение так полюбилось всем, что точно никто не знает, в каком роду или племени дни, когда эти птички ищут себе пару и чудно поют, стали именовать изоком.

В Старгороде, разумеется, считали, что изоком стал именовать сей летний месяц именно сын того человека, что поселился тут первым. Здесь все были едины и, конечно, не могли терпеть лживых кривичей, приходящих из Бора, которые, торгуя с людьми Старгорода, говорили, что изоком стал называть тот летний месяц их прародитель, некий Крив, от которого они и ведут свой род. Эти споры хоть и не выливались в кровные противостояния, но нередко кончались лютыми драками на кулаках.

В Старгороде текла размеренная жизнь. Люди меняли плоды своих трудов, к городу причаливали ладьи с торговыми людьми, которые очень ценили пушнину и мёд и готовы были выменять их на не менее ценные товары – оружие, а главное, мечи и броню. Особенно ценились лошади, так как в глухих лесах никто толком разводить их не умел, да и корм на них запасать было делом нелёгким. В стародавние времена и вовсе любой владелец коня считался князем. Сейчас кони были у многих глав родов, но ценились по-прежнему.

Но в этот день к берегам Старого Города приплыли вовсе не торговые ладьи. Это плыли драконы, появление которых никогда не сулило ничего хорошего. Купцы поговаривали, что в далёких заморских странах, где поклоняются не разным богам, а единому Богу, которого именуют Иисус Христос, даже молитву придумали, чтобы тот укрывал своих почитателей от их свирепости. В Старгороде никто от варягов скрываться не собирался, так как считал это недостойным, но все понимали, что драконы сулят кровопролитие.

Весть о незваных гостях принёс Гостомыслу один из его внуков, который рыбачил и увидел драконов. Гостомысл в это время любовно чистил своего коня. Хоть ездить на нем он решался редко, боясь свалиться, но очень гордился тем, что у него есть это дивное животное, а значит, он князь.

Гостомысл слышал, что далеко за лесами есть место, где такие вот животные ходят целыми стадами, и что есть народы, от которых, между прочим, происходит и его род, которые даже спят на таких конях и владеют десятками этих животных.

– Сколько ты видел драконов, Лешко? – спросил Гостомысл у внучка.

Лешко было всего лет восемь, и по крови он не был внуком Гостомысла, но это не имело значения. Гостомысл ничем не выделял своих кровных родичей от тех, кто был не его крови, и строго-настрого запрещал это своим ближним.

– Много! Восемь драконов!

«Восемь! И вправду большая сила, – подумал Гостомысл. – На каждом драконе могло быть по три десятка варягов, а значит, всего две с половиной сотни».

– Беги, Лешко, и зови всех к оружию! Кричи, что варяги плывут!

«Эх, придумать бы такую штуку, – про себя проворчал Гостомысл, – чтобы ей можно было всех на бой или на совет созывать!»

Сам Гостомысл спешно завёл коня в сарай, а сам поспешил надеть меховую куртку, затем взял щит, топор и копьё и поспешил к пристани.

Там уже собралось немало народу с оружием в руках. Все готовились встретить дерзких налётчиков или заставить тех не нападать, а проплыть дальше.

Мужчины из рода Гостомысла становились к его спине, а мужи из других родов к спинам своих предводителей.

«Эх, – подумал Гостомысл, – всё равно очень уж много варягов! Но ничего, каждый славянин стоит трёх отважных мореходов. Хорошо, что мы их вовремя заметили, а то была бы беда». Гостомысл слышал от торгового человека, что в одном селении вот так вот проспали, и всех от мала до велика перебили варяги, предав город огню. В Старом Городе день и ночь смотрели на море, строго-настрого запрещая жечь огонь в городе ночью не только из-за страха пожара, но и потому, что опасались, как бы незваные гости не приплыли на огонь.

Варяги видели, что славяне готовы встретить их с оружием в руках и вовсе не собираются спасаться бегством, но и у них была в чести отвага и боевая удаль. Поэтому дракары не повернули, а поплыли прямо, готовясь к бою.

Варяги прыгали в море и бежали к славянам по пояс в воде, прикрываясь щитами от летящих в них стрел. Гостомысл сам из лука не стрелял, считая, что стрелы не решают битвы, и с презрением смотрел на род Жирославичей, которые, утверждавшие, что город основал рыбак, сыпали стрелами на мореходов.

– Вот сейчас варяги им устроят! Как говорится, стрелой задрался – мечом отвечай, – проговорил Гостомысл и рассмеялся. – Ну чего, готовы биться насмерть, родичи? Не дрогнем, стоя за род и город, то есть множество родов!

Варяги, достигнув берега, быстро выстроили стену щитов и двинулись на роды славян, которые стояли толпой и поодаль друг от друга.

Варяги шагали и монотонно били топорами по своим щитам. Гостомысл уже сталкивался с мореходами и понимал, что главное – не поддаться на их уловку, так как те бьются строем, и если напасть на них самому, то больше шансов погибнуть. В единоборстве варяги не страшны, так как удаль у них проявляется, только если они почуют страх врагов, а славян устрашить не так-то просто.

– Стоим! Пусть сами идут! Коли нападут на кого, то мы тоже подсобим. Главное, не биться супротив стены щитов, а так мы их одолеем!

Не выдержали всё те же Жирославичи. Они сломя голову побежали на варягов и вступили в бой.

– До славы жадные! – проговорил Гостомысл. – Хотят, чтобы их, пришлых, уважали больше, чем нас, потомков славного боя – основателя города. Стоим! Пусть дураки кровью умоются.

Гостомысл стоял и смотрел, как Жирославичи быстро потеряли пять мужчин, которые пали под ударами варягов, и побежали назад. «Эх! Нельзя так делать, – подумал Гостомысл, – варягам только это и нужно! Эх! Но с другой стороны, чем больше у них падёт мужчин, тем сильней будем мы. Пусть бьют их варяги! Нам это только на руку».

– Стоим! – повторил Гостомысл, увидев, как не выдержали нервы ещё у трёх родов и те бросились на варягов. – Ждём!

Славяне, и без того уступавшие в числе варягам, теперь и вовсе ослабли. Несмотря на могучие удары, которые они обрушивали на мореходов, несмотря на то, что не жалея жизни бились славяне, они несли потери, а вот варяги – нет.

– Настал наш черед ударить, – наконец произнёс Гостомысл, – а то и вовсе город падёт. Ну, родичи, да прибудет с нами Перун.

Род Гостомысла ударил дружно и даже смог пробить стену щитов варягов. Казалось, мореходы должны были броситься бежать обратно в своё море, откуда они пожаловали, но предводитель варягов, который был одет в кольчугу и, по-видимому, был могучим воином, подал какую-то команду, и его люди быстро и умело вновь построили стену щитов. Может быть, если бы род Властимировичей ударил в тот момент, когда стена щитов развалилась, то мореходы были бы разбиты, но те просто стояли, по всей видимости, давая другим родам потерять побольше мужчин, и ударили уже в тот момент, когда было поздно.

Гостомысл понял, что, потеряв пятерых мужчин, он не только не заставил варягов отступить, но даже не мог сдержать их монотонного шага.

– Родичи! Отходим! Будем биться среди домов! Там каждый камешек силы прибавит! – закричал Гостомысл и, стараясь не подставлять врагам спины, стал пятиться.

Славяне бежали к своим домам, а варяги, почувствовав страх своих врагов, словно стали вдвое сильнее. Стена щитов рассыпалась, и мореходы погнались за своими жертвами, поражая тех, кто не мог быстро бежать, так как был ранен. Гостомысл просто ревел от досады и боли. Семь мужчин! Семь родичей, из которых двое – его сыновья. Перун, видно, не хочет простить ему того, что он осудил невинного. Видно, бог Праве пожаловался Перуну, и теперь тот карает его.

Гостомысл, конечно, надеялся, что его павшие лишь ранены и он ещё в этой жизни сможет попировать с ними. Но чтобы такое случилось, надо прогнать проклятых варягов, а те теперь только обретали свой истинный образ. Трое мореходов набросились на него. Гостомысл усмехнулся. Они надеются его, одного из лучших боев Старгорода, одолеть всего втроём. Гостомысл, легко отбив обрушившийся на него удар щитом, стремительно ударил сам, и варяг пал.

– Перун! – закричал Гостомысл и обрушился на второго.

Казалось, удары, которыми он осыпал своего врага, должны были сокрушить его, но тот смог выдержать их все, а после вместе с товарищем стал бросаться вдвоём на одного Гостомысла, который теперь уже сам перешёл к обороне, всё чаще закрываясь щитом.

– О́дин! – расслышал Гостомысл, когда тяжёлый удар сокрушил его. Он повалился на землю, прижимая руку к рассечённой ноге.

Гостомысл попытался встать, но видел, как вместе с кровью силы быстро оставляют его. Видел он, как, пытаясь пробиться к его телу, нашёл конец ещё один из его сыновей и как пал супруг его дочери.

Гостомысл ревел и звал смерть, но смерть не наступала. Варяги не стали добивать его, но, слыша крики и почувствовав запах пожара, Гостомысл понял, что бой проигран. «Ну что ж, родичи, – подумал он, – скоро мы с вами встретимся в загробной жизни и там уже будем обсуждать, как надо было ударить». Ослабевший от потери крови Гостомысл закрыл глаза и провалился в беспамятство.

Он пришёл в себя от жуткой боли, чувствуя, как раскалённое железо сжигает его плоть в месте, где была нанесена рана, безжалостно выжигая гниение.

Гостомысл заревел, словно медведь, так как боль была нестерпимая. Стиснув зубы, он раскусил палку, которую ему вставили в рот, чтобы он не откусил себе язык.

Когда жечь прекратили, то он увидел перед собой Властимира, который и прижигал его рану.

– Властимир! Не думал, что в загробной жизни так же страдают от ран! Последний бой был не очень удачным, зато славным!

– К сожалению, Гостомысл, бой не закончен! Закончены лишь истории наших родов! Наши мужчины пали, город сгорел, а жёны и девы поруганы. Не многие успели убежать.

Гостомысл заревел на этот раз не от телесной боли, а от боли душевной.

– Кто выжил?

– Никто, Гостомысл! Никто! Среди павших лишь ты остался живым. Мой род также весь пал, сражаясь с варягами. Лишь мне судьба позволила выжить, но недолго мне осталось, – сказав это, Властимир показал на зияющую рану, которая уже гноилась.

Такую рану не прижжёшь, так как огонь умертвит человека и сердце его разорвётся. Да и, судя по всему, Властимир уже собрался в загробный мир. Странно, как он до сих пор ещё хоть как-то жив. Каких нечеловеческих сил стоят ему эти минуты. Видно, он не хочет вот так закрыть глаза и очнуться в загробном мире.

– Я вынес из пламени горящего города мальчика из рода Жирослава. Зовут его Воиславкой. Когда все побежали, я увидел его, держащего отцовское копьё, идущим принять свою смерть, и решил, что он должен выжить, чтобы больше никогда не случилось такого несчастья. Если бы мы ударили все дружно или если бы дружно стояли, не пуская врагов в наш город, то сегодня мы бы пировали, деля добычу, но Перун покарал нас за то, что мы радовались гибели друг друга!

– Прав ты, Властимир! Прав! – заревел Гостомысл. – Но как нам жить теперь без роду, без племени! Для чего жить нам!

– Теперь все мы один род – старгородцев, и предок наш – отважный рыбак, князь и бой. Послушай, Гостомысл, в Старый Город придут другие люди, или, может, кто-то из наших родов всё-таки выжил и смог покинуть его. Ты старший в роду. Увидев, что ты ещё жив, мы вместе с Воиславкой изо всех сил тащили тебя сюда, чтобы спасти твою жизнь, так как моя жизнь уже закончилась. Варяги ушли сегодня и забрали наше жито, но они вернутся! Ты должен спасти выживших. Вы построите новые дома на месте сгоревших и вырастите новых детей взамен павших. Веди их!

Гостомысл понял, как слаб Властимир, так как, говоря, он нередко переходил на шёпот. Но, даже умирая, старый родовой вождь, отважный бой, не сдался. Был момент, когда Гостомысл ненавидел Властимира, а теперь любил всей душой. Любил не за то, что тот его спас, а потому, что видел в нём родича. Только теперь он осознал, что все они в Старом Городе были родичами, давно смешав свою кровь, а те, кто пришел из холодного Варяжского моря, были истинными врагами.

Гостомысл заревел, вспоминая, как он радовался, когда погибали Жирославичи. Позор!

– Что, ревёшь, что чужой беде радовался? Я вот тоже обревелся, – сказал Властимир, – ты, когда меня хоронить будешь, костёр мне сделай не пышный, а скудный. Душа моя сгорела вместе со Старгородом. Вот там она и пылала, а теперь лишь тело осталось.

– Моя душа, видно, сгорела тогда же, – тихо проговорил Гостомысл и вновь заревел, осознавая, что все родичи его погибли и теперь вот не ведает он, жив ли хоть кто-то ещё, кроме их троих.

Глава 3

На следующий день Властимир почил. Гостомысл с Воиславом собрали ему, как тот и просил, скромный погребальный костёр, положив туда оружие и то немногое имущество, что осталось у Властимира.

Впрочем, несмотря на то что костёр должен был быть небольшим, поднялся сильный ветер, и пламя взвилось до небес.

– Вот так уходит истинный бой! – проговорил Гостомысл. – Смотри, Воислав, и запоминай!

После того как огонь принял тело Властимира, Гостомысл и отрок Воислав вышли из леса, где укрывались, и пришли на пепелища родного города. Всё, что было некогда ценно, сгорело. Уцелели немногие. Всего таких не то счастливцев, не то страдальцев было не более трёх десятков. Гостомысл посмотрел на свой новый род, который жался к нему, пусть и раненному, но могучему бою, и к мальчишке, который так и держал в руках отцовское копьё.

– Старгородцы, – обратился к людям Гостомысл, – родичи! Великая скорбь и невзгода постигла нас, забрав у всех дома и дорогих людей, но пока мы живы – живы они, и смотрят они на нас из озёр и рек. Мы видим их в отражениях самих себя, а они видят нас и радуются, что род их жив!

Гостомысл говорил эти слова, а сам не верил себе. Всё кончено и никогда уже не будет прежним. Другие роды заселят это место и построят Город, Старый Город, место для которого приметил не то бой, не то князь, не то рыбак и мореход. Но Гостомысл привык вселять уверенность людям даже тогда, когда сам не верил в то, что говорил.

– Мы построим новые дома и вырастим новых детей! Мы станем сильнее и дружнее, так как горе сделало нас всех родичами!

Люди успокаивались, слыша его уверенный голос, и некоторые уже не думали о том, что всё погибло, а начинали размышлять, где следует срубить новую хату да как сладить пристань.

– Старгородцы! Родичи! Другие роды придут и поселятся подле нас, и город, который основал наш прародитель, кем бы он ни был, будет жить, а в нас будут жить те, кто почил в битве. Мы будем жить для них и во имя них!

Гостомысл, если бы мог, упал бы на землю и стал бы рвать на себе волосы, а после бросился бы в холодное море и поплыл бы вдаль, пока пучина морская не поглотила бы его. Но разве мог он такое сказать людям, которые ещё несколько часов назад не знали, радоваться им или скорбеть. Выжившие, но оставшиеся сами по себе, они сначала словно малые дети ходили вокруг погорелья, где раньше стояли их дома, а теперь вот внимательно слушали его.

– Так давай тогда решать, где дом рубить будем, – проговорил паренёк лет девяти.

«Как он похож на Володаря, – подумал Гостомысл, – но виду не подал». Теперь вот этот мальчик, имени которого он не мог вспомнить, так как тот был не из его рода, а из рода Властимировичей, уже готов строить новый город. Дети! Они быстрей приходят в чувство, нежели их родители, так как для них каждая минута тянется дольше. «Для меня родные погибли только что, – подумал Гостомысл, – а для него уже прошло много времени. Может, день, а может, неделя. Боги наделили молодых этим свойством».

– А ты прав. Скажи, как звать тебя?

– Борис!

– Борис, Воислав, пойдёмте посмотрим, где нам построить новый дом. А вы перестаньте голосить и позорить память ваших родичей, – обратился к остальным Гостомысл, – идите и поищите, что можно использовать из того, что огонь и вороги не пожрали!

Гостомысл, хромая, осматривал вместе с двумя детьми место, где построить новый дом для всего рода, не зная, ни как он его собирается строить, ни где.

– А скажи, бой Гостомысл, кто же всё-таки основал Старый Город – бой, князь или всё же рыбак? – спросил у него Борис.

Гостомысл не сразу ответил. Недолго помолчав, он сказал:

– Три человека из одного рода, но не связанные кровными узами. Один из них был раненым стариком, а двое совсем детьми. Один опирался на отцовское копьё, другой старался не наступать на рассечённую ногу, а третий был решительным и бойким, но оружия не имел. Эти три человека стояли над пепелищами и основывали Город. Новый Город. Мы не будем строить здесь города, а пойдём в глубь лесов. Я знаю там одно озеро – там живёт бог любви и веселья Ладо! Там рядом и построим новый город, а здесь пусть селятся другие роды.

Гостомысл не мог сказать им, что он никогда не забудет, как здесь, по этим вот местам, ходил его род, многочисленный и любимый. А теперь от всего его рода осталась лишь одна женщина. И даже крови она не его, так как была женой одного из его зятьёв.

Люди, собрав немногое уцелевшее и не забранное варягами жито, пошли за Гостомыслом, не возражая и не споря, как подчинились бы своим родовым вождям. Шли медленно, помогая друг другу, невзирая на то что раньше радовались несчастьям и бедам друг дружки.

– А скажи, бой Гостомысл, – спросил у старика Воислав, которому нравилось идти по дремучему лесу и чувствовать себя одним из трёх мужей, – как мы назовём наш город?

– Ну, коли там рядом озеро, в котором живёт бог любви и веселья, то назвать город надо в его честь! Ладога! Хорошее имя для города, что скажешь, Воислав? – ответил Гостомысл. – А ты, Борис, как думаешь?

– Ладо! Ладога! Хорошее название, бой Гостомысл. И будет у нас там всё ладно, так как Ладо будет покровительствовать нам, – сказал Борис. – А если это озеро Лады, то как так может быть, чтобы там другие люди не поселились? Может, там уже стоит город?

– Стоял, – подтвердил Гостомысл, – не раз там строили город, но до этого там поселились варяги, приплыв на своих драконах. Но, видно, Ладо не был к ним милостив, так как город их погиб. Мы на его месте построим наш город – славянский, а они пусть строят на побережье своего Варяжского моря свой город!

Спустя несколько недель, когда на улице уже стоял месяц червень, или июль, старгородцы пришли на место, куда их вёл Гостомысл.

«Червень, – подумал Гостомысл, – значит, ягоды в лесах наливаются! Надо бы собирать их и делать из них запасы, ведь зимой, когда сочных плодов не станет и соки будет брать неоткуда – то только запасы, заготовленные в червень, смогут огородить его род от болезней».

Старый родовой вождь безошибочно определил, где раньше стояло поселение варягов. Мореходы укрепляли свои города, так как, являясь грабителями, прежде всего заботились, как бы не стать жертвами. Если мы, славяне, живём среди таких вот людей, то нам надо тоже учиться у них. Будь наш Старый Город защищён с моря, а не только с суши от зверей, то не пришлось бы нам идти в поисках нового дома!

– Вот здесь мы построим наш город – Ладогу, и будет он под защитой бога Ладо, – сказал Гостомысл, – а посреди города мы воздвигнем ему идола, чтобы у него было тело и он смог бы в случае чего оберечь нас от ворогов!

Дом строили быстро, так как понимали, что впереди их ждёт лютая зима. Гостомысл по-прежнему страдал от раны, так как переход через леса нелегко ему дался, но он не мог показать другим, как он страдает. Поэтому он лишь улыбался и говорил всем, что не чувствует боли, так как на нём всё заживает быстро, словно на псе.

На зиму запасти много не смогли, и любой понимал, что все запасы они съедят ещё до того, как наступит просинец, или январь. Не было тёплой одежды и обуви. Гостомысл понимал, что едва ли его род сможет пережить зиму. Он видел, что все выжившие теперь всецело доверяют свои жизни ему, а он, словно глупец, не знает, как жить дальше.

Однако судьба была к ним милостивой. Когда уже наступали холода, то одна из женщин обнаружила потайной схрон варягов, где, помимо ничего не стоящих блестящих украшений, которые так ценили они в прошлой жизни в Старом Городе, обнаружилось множество мехов и пушнины, которую, по всей видимости, добывали для варягов роды, жившие в окрестных лесах, и приносили им сюда, чтобы не навлекать их гнева.

Старгородцы быстро изготовили из мехов себе одежды и теперь, глядя на них, никто не мог сказать, что совсем недавно они покинули родной дом и полураздетыми пришли сюда в поисках лучшей доли.

Рыбачили все, включая женщин. Зимой проделывали во льду лунки вблизи берега, не рискуя ходить вглубь. Центр озера бога Ладо так и не замёрз. А весной к ним приплыла ладья с торговыми людьми, которые, увидев поселение, причалили к его берегам и поведали старгородцам о том, что Старый Город пал. Торговые люди не узнали в жителях Ладоги бывших старгородцев, приняв этот дружный род за иных людей.

Обменяв меха и пушнину на разные ценные товары, торговые люди покинули город, а дальше вслед за ними в Ладогу стали приходить люди из других родов и предлагать менять товары, так как после того, как Старый Город был разорён, негде было теперь обменивать пушнину и шкуры, добытые зимой, на оружие и прочее.

Гостомысл выменивал пушнину и шкуры, понимая, что настанет время, и он сможет обменять их у торговых людей на их изделия, оставаясь в большей прибыли.

Видя, что род Гостомысла един и дружен, вожди других родов сразу зауважали ладожан. Гостомысл не выдавал из своего рода невест и с радостью принимал в род свой любого, готового взять в жёны одну из дочерей его рода.

Все зажили на новом месте по-новому, и только Гостомысл понимал, что рано или поздно варяги вернутся. Они приплывут, и вновь будет битва, и опять, несмотря на их удаль, их дома будут разграблены, а сами они падут.

Прошло почти восемь лет. Теперь уже во всех окрестностях собирали меха, мёд и прочее и везли в Ладогу, чтобы там обменять. Казалось, Старый Город просто поменял своё место. Но однажды кто-то произнёс ужасное слово.

– Дракон!

Гостомысл поспешил на стену, сделанную из брёвен и защищавшую всё селение. Вдали и впрямь плыл дракон. Он был один, но Гостомысл знал, что если варяги узнали, что где-то появился город, живущий торговлей и процветающий, то вскоре они придут и разорят его. Видно, не зря в заморских странах молились о том, чтобы драконы проплывали, не нанося им вреда.

Два дня дракон плавал вокруг Ладоги, словно решая, стоит ли одному напасть на свою жертву или лучше собрать стаю и тогда наброситься на добычу, не оставляя ей ни малейшего шанса.

Дракон скрылся. Но с этого момента Гостомысл понял, что и это поселение погибнет, если что-нибудь не решить.

Он ждал осени, когда все главы родов, проживающие в окрестностях, придут в город, чтобы вместе обсудить все дела и принести жертвы богам и Ладо, хозяину озера.

В месяц ревун, или сентябрь, когда в лесах начинает реветь зверьё, вожди родов приехали в Ладогу и собрались в гостях у Гостомысла. После празднования и жертвоприношений все сели пировать в доме хозяев. По обе руки у боя Гостомысла сидели его сыны Воислав и Борис, дальше сидели другие родичи, те, кто взял в жёны дочерей из рода Гостомысла. Остальные места заняли гости.

– Вожди! Князья! Бои! После празднований мы должны бы хмельными напитками порадовать нашу душу, но тревожно мне, так как видел я в озере Ладо дракона. Дракон этот хочет выплеснуться из озера и сожрать всех нас.

Главы родов что-то пробормотали. О том, что в Ладожском озере видели варягов, знали все, но для большинства это не было проблемой, так как их селения, затерянные в лесах, не интересовали варягов, а чтобы вновь поселиться на озере Ладо, они и думать забыли. Для варягов наступали дни, когда от одного только упоминания о них люди теряли решительность и отдавали все своё добро.

– Вы все смотрите на меня и думаете, что это лишь мои заботы и вас они не касаются, но тогда я вас сильно разочарую. Варяги становятся всё сильнее, и скоро все моря будут их, и никто уже не решится строить города на берегах. Тогда они поселятся здесь и расплодятся, а не умея работать, они поработят всех нас и загонят глубже в леса, уничтожая наши роды. Все мы станем зверями и, забыв своих великих предков, будем словно звери. Наши дети не смогут гордиться нами!

– А что ты хочешь сделать, Гостомысл? Пока ещё никто не смог пробиться сквозь стену щитов, которую строят варяги, и никто не может разбить их! – сказал один из вождей, известный бой и князь по имени Тетеря.

– Я думаю, что нам надо позвать варягов, чтобы те правили нами и научили нас обороняться. Земля наша велика, а порядка в ней нет! Пусть идут править нами.

Все аж рты пооткрывали. Кое-кто даже подумал, не лишился ли ума бой Гостомысл. Позвать варягов править над славянами – это как бы без боя признать себя данниками.

– Скажи мне, Тетеря, а одолеешь ли ты варяга в честном бою?

– Одолею. Только варяги бьются плечо к плечу и при этом не мешают друг другу. Мы с мужчинами нашего рода пробовали научиться стоять так же, да только один срам получился. Кто в лес, как говорится, кто по дрова!

– То-то же, Тетеря! Надо, чтобы мы научились у них премудрости и породнились с ними, став одним племенем. Мы откажемся от своей свободы, но сохраним свои роды!

Долго спорили вожди в тот день. Кто-то был против, а кто-то поддержал Гостомысла. После долгих разговоров решили, что варягов надо призвать, а коли кому не любо это решение, то тот может не идти под их власть.

Глава 4

После того как вожди славянских родов разошлись по своим селениям, бой Гостомысл созвал мужей своего рода, и они стали тянуть жребий, чтобы определить, кто отправится в нелёгкий путь в далёкую страну, где живут варяги.

Жребий пойти в дальний путь выпал Воиславу и Ратибору, супругу одной из дочерей рода Гостомысла.

Ратибор был могучим воином, но имел один большой недостаток – он мог вспылить, и тогда его было нелегко унять, но уже на следующий день Ратибор совсем не желал помнить ссору и с тем, кого вечером готов был убить, наутро делил последнюю кость.

Гостомысл поцеловал обоих своих родичей.

– Когда дойдёте до Варяжского холодного моря, то идите вдоль него – и однажды вы найдёте город, где стоят страшные драконы и где живут могучие варяги. Сразу не спешите, а сначала присмотритесь к тому, как у них заведено и кого они там уважают. Смотрите не только на то, из какого рода будет наш будущий правитель, но и какие подвиги он совершил, а после зовите его с родом, чтобы пришёл в Ладогу и сел править нами.

Воислав и Ратибор покивали уже старому и хромому бою, а после, собрав в дорогу всё необходимое, покинули город на озере Ладо.

Когда шли лесами и болотами, Воислав и Ратибор были дома, хотя места, где они охотились, давно миновали. На улице стоял месяц листопад, или октябрь, но двоих молодых славян не могло это остановить, так как, несмотря на ненастье, они нашли звериные тропки и, быстро достигнув холодного Варяжского моря, пошли по берегу. На пути вдоль побережья им нередко встречались селения, где жили другие роды славян или даже по несколько родов, но куда чаще они натыкались лишь на пепелища, которые оставляли по всему побережью варяги.

– Скажи мне, Воислав, а не станет ли так, что мы приведём себе не правителей, а поработителей? Придут варяги, которых мы сами позовём, и без боя возьмут да сожгут дом наш и заберут всё жито.

– Не знаю, Ратибор, – ответил ему Воислав, – я был ребёнком, когда варяги сожгли наш город, Старый Город. И мне тоже не очень хочется подчиниться тем, кто убил моих родичей. Но я знаю и ещё одно, что если мы не научимся биться, как варяги, защищать своё добро, как они, то недолго будет благоденствовать Ладога. Гостомысл говорит, что варяги придут и вновь сожгут всё, а если мы позовём их править нами, то сможем научиться у них.

– Да чему тут учиться! Я одним ударом топора могу многолетнее дерево расколоть надвое! И это одной рукой! Или коли дерево молодое, то полностью погружу в него свой топор.

– А сможешь ли ты его достать оттуда, Ратибор?

– Смогу, если напрягусь! Один славянин в бою стоит трёх варягов!

– А умирает десять, чтобы побить одного!

Когда на улице наступил месяц грудень, или ноябрь, и стал выпадать снег, то Воислав и Ратибор достигли города, о котором говорил Гостомысл. В памяти Воислава сохранились обрывочные воспоминания о Старом Городе и о пристани, у которой могли враз находиться сразу два корабля. Перед их взорами раскинулся огромный город раза в два больше, чем Старый Город, а самое главное, славяне увидели перед собой те самые драконы. Они были вытащены на берег или стояли у пристани. «Сколько их тут», – подумал Воислав.

Бывал ли когда-нибудь здесь Гостомысл или только слышал от торговых людей, что где-то есть такая земля, на которой живут варяги? Как в этом огромном и чужом городе, где кругом варяги, взять и выбрать не только достойного родом, но и делами славного?

Когда славяне подошли к укреплениям, то увидели вооружённых людей, которые стояли на стене, словно поджидая неприятеля.

– Смотри, Ратибор, мы, когда дракона видим, берём оружие, а они, нас двоих увидев, вооружились! Не пустят нас сюда.

Воислав был не прав, так как варяги не обратили внимания на двух славян и вооружились вовсе не оттого, как сначала предположил Воислав, что увидели чужаков. Просто у варягов всегда стояли люди с оружием в руках и охраняли город. Идя по городу, Воислав и Ратибор дивились, видя, что все здесь ходят с оружием в руках.

– А если с-с-сора какая! Так в-в-ведь весь город с оружием – кк-к-кровопролитие начнётся, – проговорил Ратибор, который от волнения и удивления даже заикаться начал, – смотри – с-с-славяне!

Воислав и Ратибор увидели несколько соотечественников, которые были одеты так же, как и они, но были здесь явно не первый раз и вели себя достаточно уверенно.

Оба преодолели свой страх и постарались вести себя как бы непринуждённо, словно они не идут по неведомому городу варягов, где повсюду слышны чужие и незнакомые слова. Некоторые фразы варягов славяне понимали, а некоторые нет.

Воислав, задержав дыхание, чтобы не дрожать, подошёл к варягу, который был одет в кольчугу и который просто так, без какой-либо цели, рубил топором по столбу, играя, словно дитя. «Видно, не очень важный, – решил Воислав, – раз он уже не дитя малое, а всё со столбом воюет и прыгает вокруг него, закрываясь щитом, словно тот и впрямь может его ранить. Коли надо срубить столб, то бить надо не вполсилы, а несколькими могучими ударами. И охота ему скакать вокруг столба, несмотря на снег и холодный ветер!»

– Скажи мне, воин, – решил вежливо спросить Воислав у обделённого умом, как он решил, – а кто здесь из варягов и родом недурен, и делами прославлен?

Тот не ответил ему, а продолжал прыгать вокруг столба и прикрываться щитом, словно столб сыплет на него удары. «Не разумеет, – с грустью подумал Воислав. – Или слова не разбирает! И как мне тут найти нам правителя?»

Но тут неожиданно для обоих славян варяг, изобразив могучий удар, видимо, поразил своего незримого противника и, поставив щит, подошёл к ним.

– А вам для чего это знать-то потребовалось? – спросил варяг на чисто славянском языке, словно всю жизнь свою говорил на нём.

Оба славянина несколько замялись и теперь сами выглядели нелепо. Воислав представил, как смешно он смотрится со стороны, особенно он представил, как сейчас над ним потешается вон та светловолосая дева, которая внимательно смотрела на них. Думает, небось, что мы ещё глупее их помешанного, который, словно ребёнок, со столбами воюет.

Собравшись с духом и чтобы не выглядеть глупым, Воислав толкнул плечом Ратибора, как бы говоря, что, мол, давай, детина – теперь твой черед говорить.

Ратибор посмотрел на варяга и, не зная, что спросить у дурака, чтобы не уронить своего достоинства, повторил слова Воислава:

– Ты чего, не слышал, что у тебя мой родич спросил? Кто здесь рода достойного и делами прославлен?

Варяг посмотрел на Ратибора и важно закивал головой, словно осматривая его.

– В дружину к нам хочешь?

«В дружину», – услышал Воислав. Что это значит? Видно, дурак нам дружбу предлагает. Ну, лучше хоть с дураком дружить, чем совсем одним в незнакомом городе искать правителя.

Воислав закивал, и Ратибор, посмотрев на родича, тоже важно кивнул.

Варяг рассмеялся и хлопнул Воислава по плечу. «Видно, так у них, у дураков, дружбу скрепляют, – подумал Воислав. – Сейчас хлопнешь его тоже по плечу, и весь город тебя дураком считать будет».

– Ну, коли в дружину к нам хотите, то надо бы испытать вас.

«Пытать собрался, – подумал Ратибор. – Точно дурак! У дураков всегда всё не как положено».

– Я тебя сейчас сам испытывать буду! – проговорил Ратибор свирепея.

– Вот это по-нашему! Бери свой топор и становись. Бьёмся до первой крови или пока я не решу, что довольно! Щит возьми!

Ратибор посмотрел на варяга, ничего не понимая. Видно, тот решил с ним подраться. Жестокие люди, подумал детина. Сразу за топоры – как их столько нарождается только! Видно, их женщины враз по пять детей рожают, словно собаки щенков. Иначе бы не было их так много. Вот бы и у нас такие жёны были. Мы бы со своими порядками города и роды куда больше, чем у варягов, строили бы. И чего бой Гостомысл править их позвать решил.

Варяг нанёс сильный удар, но Ратибор слегка дёрнулся, и тот его не задел. Ну и что это за дружина такая! Нормальные люди, если дружат, то руки жмут, а эти испытать хотят! Ратибор рассмеялся и тут же оказался на земле, так как проклятый полудурок нанёс ему удар ногой, и так больно, что детина растянулся на земле.

– Ууу, – заревел, словно медведь, Ратибор, – я тебе сейчас покажу дружину! Ууу, гад ползучий!

Ратибор рванулся на варяга, забыв о боли, но проклятый испытатель отскочил и ещё посмел усмехнуться. Ратибор отбросил щит и взял топор в две руки. Варяг, увидев, что Ратибор отбросил щит, сделал то же самое.

– Ну, всё, полудурок! Тебе конец! Я тебе сейчас дам дружину!

Однако тут же опять оказался на земле. «Колдует, – подумал Ратибор, так и не поняв, почему тот опять его опрокинул. – Или оборотень. С виду человек, а по правде хорь или ещё какая крыса. А может, лисица!»

Поднимаясь на ноги, Ратибор со всего размаху обрушился на полудурка и хотел его прибить, но тот вывернулся и отвесил ему пинка по мягкому месту. Нет, точно оборотень, – подумал Ратибор. – Нечестно!» Оборотней надо всем родом бить, а он один. Вон Воислава пять варягов за руки держат, чтобы он на помощь не пришёл.

– Ну всё, хватит! Я вижу, что из тебя хороший дружинник получится! А биться мы тебя подучим! Меня зовут Олег!

Сказав это, варяг, который назвался Олегом, подошёл к тяжело дышащему Ратибору и протянул ему руку.

«Руку протягивает, – подумал Ратибор. – Для чего это – сначала показать, что ты оборотень, а потом, как и положено, руку протянуть. Видно, пакость какую замыслил. Вот, значит, что такое дружина. Ну-ну».

Взяв руку Олега, Ратибор что было силы сжал её, да так, что варяг завопил от боли и хотел её высвободить. Но Ратибор не отпускал его. То ты меня пытал, а теперь мой черёд. Давай, в хоря превращайся, оборотень, что, шкуру на людях боишься сменить?

Олег понял, что Ратибор руку ему не отпустит, резко рванулся в сторону и ударил Ратибора по ноге. Ратибор на секунду разжал руку, вскрикнув от боли, но проворному оборотню этого времени хватило не только чтобы высвободиться, но и чтобы опрокинуть на землю славянина.

– Да, в дружину тебя я точно возьму! А если твой друг хоть наполовину подобен тебе, то и его.

Между тем Воислава отпустили, и тот подошёл к Ратибору, помогая тому подняться на ноги.

– Ну, коли мы теперь дружина, то тогда скажи мне, кто здесь роду известного и делами прославлен? – спросил Ратибор, который был удивлён, что варяги хоть и были свидетелями оборотничества, но не бросились на своего родича, а лишь посмеялись и разошлись. «Наверно, здесь все оборотни», – решил Ратибор.

Варяг рассмеялся и вновь хлопнул Ратибора по плечу. «Полудурок, – подумал Ратибор, – что с него взять».

– Хочешь воеводу увидеть?

Воевода! Вое – это почти «бой», вода, значит «водит», смекнул Воислав. Значит, он предлагает нам увидеть того, кто водит боев. Этот человек должен быть и рода известного, и делами прославлен.

– Да-да, бой воду хотим увидеть, – ответил Воислав, – именно его! Мы к нему и шли!

Олег кивнул и повёл их к дракону. Возле дракона, несмотря на холод, в одной рубахе сидел муж на вид лет тридцати пяти и точил меч.

«Они что, только и занимаются, что с оружием играют?» – подумал Воислав. Раз сидишь на берегу, то хоть удочку раскинь – нет! Просто сидит и меч начищает. Ценность меча Воислав знал, но не понимал, ведь этот большой нож куда менее пригоден, нежели топор. Им ни дров нарубить нельзя, ни дерево свалить! Только биться, да и в бою им по-нормальному не вдаришь.

– Бой вода, – поклонившись, проговорил Воислав, – земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет! Иди править нами.

Варяг, который вовсе не выглядел как настоящий предводитель боев, продолжал чистить свой меч и словно не слышал славянина. Видимо, полудурок привёл нас не к предводителю боев, а к такому же, как и он сам, недоумку, который сидит и весь день с мечом играет. «Что-то много у них глупых на одного умного, – подумал Ратибор. – Это, наверное, потому, что их женщины по пять детей рожают за раз. Видно, часть глупых».

– Вы откуда? – спросил точащий меч варяг на славянском языке, но с непонятным акцентом. – Куда в поход зовёте? Где земля велика и нет порядка?

– В Ладоге, – проговорил Ратибор, сомневаясь, с настоящим ли он предводителем боев разговаривает или нет.

– Это деревенька на озере бога Ладо! Плавал я там осенью, но мне она показалась крошечной. Построили её на месте, где раньше поселение свеев было.

– Наш бой Гостомысл, глава рода, зовёт вас туда не грабить, а прийти и править. Навести порядок и научить нас биться, как бьётесь вы – в стене щитов, – сказал Воислав, – он предлагает вам стать одним с нами родом! Ладогу окружают другие роды, и мы торгуем с ними. Вожди некоторых из этих родов также хотят, чтобы вы научили нас и правили нами. Правда, другая часть не хочет. Мы добываем много пушнины и мехов, знаем, где добыть мёд! Всем этим будешь владеть ты, воевода, а мы будем учиться.

Варяг слушал молча, продолжая водить точильным камнем по и без того блистающему мечу.

– Я буду думать. Ответ свой вам дам завтра. Мне надо поговорить с братьями, а пока идите к очагу, согрейтесь и поешьте!

Глава 5

Четверо варягов собрались возле очага. Один из них был воеводой, ещё один был Олег, а двое других – братьями воеводы. Все четверо ели жаренное на углях мясо и смотрели, как потрескивают угольки в очаге.

– Что скажешь, Олег, по поводу того, что говорят эти ладожане?

Олег оторвал зубами большой кусок мяса с кости и, жуя его, ответил:

– Рюрик, ты воевода – тебе и решать. Только неизведанных земель становится всё меньше и меньше. Франки укрепляют своё побережье, строя там крепости и готовясь защищать их, другие народы быстро учатся у них. Настанет день, и нас будут встречать уже не так, как сейчас, страшась одного нашего имени или не зная о нас ничего. Старые времена уходят, и их уже никогда не вернёшь.

– Пока плавают по морям такие конунги, как Рагнар и другие, наше время не закончится! – отозвался один из братьев Рюрика.

– Оно уже закончилось, Трувор! Рагнар сам ускорил это, когда стал давать своим сыновьям власть! Если бы всё было, как и раньше, когда каждый воин мог стать конунгом, то тогда было бы для чего сражаться. Теперь, если в тебе нет крови Рагнара, то ты и править не смеешь! Вот сколько ты, Рюрик, одержал побед! Сколько городов разграбил! А должен служить сынку Рагнара. Нет, конечно, некоторые из его сынов достойны править, но не все!

Все продолжили жевать мясо и глодать кости.

– Если мы приведём наших людей в далёкие земли славян и построим там настоящие поселения, как те, что мы видели в землях франков, думаешь, сможем мы стать с этим народом едиными? – спросил Рюрик у Олега. – В тебе, Олег, течёт кровь славян, твоя мать славянка, скажи, могут ли наши два народа стать едиными?

Олег ничего не ответил. Возле очага опять наступила тишина, лишь угли потрескивали.

– Рюрик, – проговорил Трувор после долгого молчания, – приехав править в земли славян, ты станешь словно Рагнар Кожаные Штанишки, ты перестанешь быть викингом и станешь конунгом. Тебя будет заботить не слава, а богатство! Ты станешь мыслить, как он! Захочешь передать свою власть детям и навсегда забудешь, что такое плыть навстречу богам и слышать в раскатах грома Тора! Ты забудешь, что такое быть варягом, и станешь славянином.

– А оставшись здесь с потомками Рагнарки, ты однажды станешь его верным слугой! Рагнарка смотрит на франков и англов и хочет построить себе королевство, как у них. В нём не будет свободных людей, все будут лишь его слугами, а после его смерти – слугами его детей! – горячо возразил Олег.

Все опять долго молчали, и каждый обдумывал, что стоит произнести, а что лучше оставить при себе.

– Синеус! Скажи, а почему ты молчишь? Что скажешь – стоит ли нам плыть в Ладогу?

Синеус бросил кость здоровенным псам, и те тут же сцепились и стали драться за неё.

– Скажи, думает ли пёс, когда видит кость? Он вступает за неё в бой и после наслаждается победой. Стыдится ли он того, что лежит и грызёт её, а его противники ходят вокруг и готовятся вновь и вновь испытать его? Нет, так как он взял эту кость в бою!

– Что ты этим хочешь мне сказать, брат? – спросил Рюрик.

Синеус взял ещё одну обглоданную кость и кинул её в другую сторону. Проигравший первую схватку пёс тут же бросился за ней и принялся грызть.

– Стыдится ли он, что схватил эту кость, пока его соперник грыз другую? Нет. Славяне – это кость, и если её не схватишь ты, то когда Рагнар и его детки дожрут свои кости, то непременно сожрут и эту.

Между тем пёс, который уже сожрал первую кость, с рычанием двинулся на грызущего вторую.

– Смотри, брат, когда Рагнар и его дети поймут, что ты взял то, что они считали своим, то придут и попробуют отобрать! Но сейчас славяне не интересуют их. Я считаю, что если ты не пойдёшь в Ладогу править, то о тебе сложат славные песни и ты станешь великим героем! Но пройдут годы, и о тебе забудут. Последний корабль, который построен был для тебя, затонет, и последний, видевший тебя, погибнет. И тогда о тебе забудут. Став же правителем славян, ты навсегда останешься в людской памяти, и род твой, и мы. И даже когда умрёт последний из тех, кто видел того, кто видел тебя или кого-то из тех, кто был с тобой рядом, то всё равно память о тебе не угаснет!

Синеус закончил свою речь и, достав нож, отрезал себе большой кусок мяса и стал его есть, словно потеряв интерес к беседе братьев.

Олег присоединился к Синеусу, а Рюрик с Трувором некоторое время смотрели друг другу в глаза, а после Трувор медленно проговорил:

– Ты старший наш брат, и тебе решать. Все мы дети Руса, весь род наш пойдёт за тобой. Но помни, куда причалишь ты, там будем биться и мы. Ты старший из нас, и только бесславие и бесчестие могут подорвать твою власть.

– Трувор, брат мой, даю тебе слово, что в землях славян твоя секира не будет долго скучать!

– Ну, коли так, брат, то тогда поплыли в Ладогу – увидишь, что там только леса и нет там никакой славы. В то время пока мы будем править полузверями, Рагнар будет строить своё королевство.

Трувор не хотел плыть в земли славян, но и пойти против рода не хотел. Ему нравились битвы и весёлые пиры. Ему нравилось то, что каждый раз он может погибнуть, сражаясь с врагами, подчиняя города, и нравилось видеть страх в глазах смотрящих на него людей, отведавших варяжской ярости.

– Ну, коли мы решили плыть в земли славян, – подытожил Рюрик, – то надо бы нам убедить и других викингов присоединиться к нам. Можно позвать братьев Аскольда и Дира, они тоже решили перезимовать здесь. Оба они – могучие варяги, и, думаю, им будет интересно поплыть с нами! Олег, пойди к ним и позови их в поход. Они, я слышал, тоже не хотят служить Рагнару и его сыновьям. Убеди их пойти с нами, так как, когда мы приплывём в славянские земли, то там, чтобы построить настоящее королевство, нам потребуются их топоры.

На другой день рано утром Олег направился к братьям Аскольду и Диру, которые вместе с другими своими родичами и дружинниками также пировали и пели песни, чтобы скоротать холодные дни.

Олега приветствовали тепло и тут же усадили за стол, налив ему полную кружку пива. Олег отпил большим глотком полкружки, а затем, вытерев губы, сказал Аскольду:

– Я с Руссонами поплыву на Царя Городов! Хотим позвать вас с собой.

Аскольд и Дир тут же придвинулись к Олегу. Царь Городов находился очень далеко, и проплыть туда было невозможно. Многие пытались, но ни у кого не получалось.

Аскольд рассмеялся, Дир подхватил его смех, а затем рассмеялись и все остальные.

– До Царя Городов нельзя доплыть, Олег! Если ты одолеешь все шторма и сможешь прорваться через узкий пролив, который стерегут люди, чья кожа имеет цвет древесной коры, и если ты пробьёшься сквозь тёплое море и достигнешь Царя Городов, то тогда плавающие города, извергающие огонь, сожрут твоих драконов.

– Так поплыл бы Рагнар. Но я поплыву другим путём! Есть земли, которые населяют не то звери, не то люди, которые ходят в шкурах, и лишь немногие из них торгуют. Если пройти их реками, то спустишься в земли, где ходят тысячи коней. А дальше достигнешь тёплого моря!

– Это сказка, Олег! Не может тёплое море быть за землёй, где кони пасутся тысячами, – проговорил Дир, – море одно, и поэтому, идя в глубь лесов по рекам, ты приплывёшь на конец света. И там не будет ничего.

Аскольд и Дир рассмеялись, но увидев, что Олег не поддерживает их смех, и не желая оскорбить родича Руса, они замолкли.

– Царь Городов должен быть там! Да, сначала надо будет построить там города и постепенно двигаться вниз, и в один такой день мы достигнем Царя Городов. Мы подплывём к нему другим путём и навсегда прославим своё имя!

Аскольд и Дир смотрели на Олега прищурившись, оценивая возможность успеха. Каждый из них, несомненно, мечтал овеять своё имя славой. Олег придумал всё то, что говорил, поведав им старое предание, которое в далёком детстве говорила ему его мать, рассказывая, что много лет назад славяне, или венеты, жили рядом с большой страной, населяемой волохами, у которых был большой город, названный в честь их вождя и носивший имя Конста. Волохи воевали с венетами, а потом пришли ещё и обрины, которые поработили венетов и прогнали в глубокие леса.

Когда Олег шёл на разговор с Аскольдом и Диром, то сам не верил в сказку, которую слышал от матери, но теперь, споря с ними и убеждая их, он убеждал сам себя, что если и впрямь миновать страну лесов и пересечь страну коней, то можно достигнуть тёплого моря и Царя Городов. Что, если именно этот город Конста и есть Царь Городов?

– Если ты прав, Олег, то тогда нам надо захватить земли славян и идти в глубь лесов, прорубая себе дорогу и строя на своём пути города, чтобы зимовать и чинить свои суда. Нам потребуются проводники. Кто поведёт нас по этим местам? Где мы найдём их?

– Мы уже придумали, как нам быть с проводниками. Мы построим города в землях славян и станем с ними родичами. Они сами поведут нас в глубь лесов, и однажды мы достигнем-таки Царя Городов.

– А если там всё-таки ничего нет? – спросил Дир. – Вся наша жизнь будет пустой, так как мы будем пробираться сквозь густые леса, а потом придём к краю света!

– А ты знаешь хоть одного человека, кто был на краю света? – спросил Олег. – Я слышал о Торстейне Желтозубом, который уплыл далеко, миновав страну англов. Он так и не вернулся, а значит, конец света в той стороне! Значит, там, куда пойдём мы, не может быть конца – там может быть только начало, а из начала всегда много дорог!

– Ты говоришь словно волхв, Олег! Мы с братом поплывём с тобой, но помни, что в любой момент мы, когда захотим, оставим ваш род. Если мы сочтём, что данный путь не приведёт к славе.

В середине дня Рюрик, Трувор, Синеус и Олег позвали к себе славян Воислава и Ратибора.

– Я подумал. Я приплыву вместе со своим родом к озеру Ладо и буду править вами. Но мы воины, и посему мы не будем довольствоваться только лишь Ладогой. Мы хотим подчинить своей власти все славянские роды. Ваши люди будут обучены моими людьми, все вместе мы станем дружиной и соберём все земли в один кулак.

Говоря это, Рюрик сжал руку в кулак, как бы показывая, что всё сольётся в один.

– Вы поведёте нас в земли других славян. Тогда мы сможем создать настоящее государство. Я стану конунгом. Вы научитесь биться в стене щитов и поклянётесь, как и любой из моих воинов, никогда не поднимать своего оружия на дружинника!

Воислав не понимал речи будущего правителя, так как Рюрик говорил торжественно и, когда не мог подобрать нужных слов, заменял их словами из своего языка.

Воислав и Ратибор лишь кивали головами, давая понять, что они от имени всего рода и всех ладожских родов согласны.

– Вы будете учиться у моих ратников и приплывёте в Ладогу уже воинами.

– Так мы и так могучие, – сказал Ратибор, – если драться честно и без всяких оборотнических штук, то один славянин стоит троих варягов!

– В бою надо выжить. Честно дерутся только те, кто не знает, как биться нечестно! Вы будете учиться и будете слушаться, а если откажетесь, то какой смысл мне плыть в вашу деревню и править вами, когда, даже придя сами ко мне, вы не хотите повиноваться.

– А ты научишь нас биться в стене щитов? – спросил Воислав у Рюрика.

Варяг спокойно посмотрел на Воислава и ответил:

– Я не смогу тебя ничему научить, но, имея желание, ты быстро научишься всему, а после и другие научатся.

Следующий день Воислав и Ратибор с великим стыдом провели возле столбов, нанося по ним удары топором и закрываясь от незримых ударов щитом.

– Ратибор, вон смотри, та красавица, я её давно приметил, на меня засматривается, – говорил Воислав, нанося удар по столбу, – небось, теперь тоже думает, что мы полоумки.

– Ага, родич, вот по плечу полоумок тебя хлопнул – добро пожаловать в их дружину. Будешь, как дитя, по столбу лупить. Смотреть зрелым мужам в глаза совестно!

– Не забывай щитом прикрываться, а то Рюрик не поплывёт править нами. Тогда уж точно наш род погибнет!

– Да так за весь день руки отвалятся щитом закрываться да топором по столбу лупить!

– Так ты вполсилы бей, дурень, а то и вправду стыдно будет, коли незримый противник тебя одолеет, – отозвался Воислав, при этом с досады со всей дури рубанул по столбу и прикрылся щитом, который с каждой секундой становился всё тяжелее и тяжелее, а удары, которые он наносил по столбу, становились всё слабее и слабее.

Часть 2

Глава 1

Весной, когда стало возможно спокойно судоходствовать, Гостомысл узнал о том, что к Ладоге плывут драконы. Сердце сжалось у старого боя. Гостомысл не знал, чего ему ждать – радости или беды, ведь он сам отправил двоих своих родичей в далёкий город варягов, чтобы те приплыли и стали править у них. Но как узнаешь, кто приближается к берегам твоего рода?

Гостомысл взял в руки топор и с другими мужчинами поспешил на берег, чтобы с оружием в руках встретить гостей. Дракары, подплыв, насколько возможно, остановились. Отважные мореходы стали прыгать в воду и спешить к берегу.

– Не стрелять, – закричал Гостомысл, – всем стоять плечо к плечу. Ждём, может, это не враги.

Впрочем, в то, что это не враги, уже почти никто не верил. Но тут послышался крик:

– Гостомысл! Бой Гостомысл, это мы, твои дети Воислав и Ратибор!

– Вернулись! – радостно закричал Гостомысл и, отбросив копьё, похромал им навстречу.

Вместе со старым боем поспешил навстречу вернувшимся и Борис. Гостомысл не узнал Воислава, мальчика, который когда-то шагал с ним, опираясь на отцовское копье. Перед ним был настоящий варяг, одетый в кольчугу, с шеломом на голове. На щите у Воислава был изображён сокол, который падал вниз. Такой же знак был и на щитах у других варягов.

К бою Гостомыслу, который смотрелся хоть и могучим, но старым и неуклюжим, шагал варяг, настоящий сын холодного моря.

Подойдя к Гостомыслу, варяг усмехнулся.

– А ты бой ярый! Бойярин, значит. Меня зовут Рюрик Руссон, и я приплыл со своим родом и дружиной, как ты и звал меня. Вижу, вы встречаете гостей с оружием в руках, а не в укреплении, значит, честного боя хотите. Ладно, боярин, вижу, что немного вас тут, но слышал я, что это не совсем так.

Гостомысл всей речи не понял, так как слова, которые говорил Рюрик, большей частью были не на славянском языке, но мысль уловил. Варягов приплыло много, и они весело шли к его дому, который хоть и был вместительным, но всех принять всё равно не смог бы.

Шагая по Ладоге, Рюрик и с ним ещё пятеро знатных варягов говорили только на своём языке. О чём шла речь, Гостомысл мог только догадываться.

– Ты приплыл править над зверями, Рюрик. Они встретили нас с оружием в руках и даже не подумали, что мы можем высадиться сразу в двух местах, и пока они ждали нас на берегу, мы разорили бы их жилище, – сказал Трувор, – увидишь, уже осенью ты пожалеешь, что потратил время на них.

– Смотри, – сказал Олег, – знаешь, кто этот идол? Бог празднеств и любви Ладо.

Услышав слово «Ладо», Гостомысл улыбнулся. Поражаются красотой города и нашим богатством, подумал старый бой, который до этого размышлял над новым именем. Бой ярый, то есть яростный. Боярин – звучит красиво. А каким ещё может быть бой? Только ярым и может быть, значит, каждый бой ярый, или боярин!

– Нищета, брат, вокруг нас нищие и дикие люди, которые не знают, с какого конца браться за меч! Посмотри, они только идола сделать красивым и смогли. А в остальном они живут хуже, чем у франков скот.

– Смотри, Рюрик, вон в каких мехах стоит дева. Такие меха во Франкии или Британии только герцоги могут себе позволить, а, по всей видимости, это на ней не праздничная одежда, а обычная. Говорю тебе, Рюрик, что только с виду они нищие, а на самом деле они просто не

знают своих богатств, так как душа их чиста и не понимает, в чём цена того, что не принесёт пользы.

Рюрик смотрел на деревню. Это было не первое славянское селение, в котором он был, но обычно, когда он находился в славянских родах или городах, гремел бой и пылал огонь. А сейчас он мог спокойно осмотреть, как выглядят славяне, когда они не в бою. «Женщины как женщины», – подумал Рюрик. Есть красивые, а есть не очень. Мужи как мужи. Кто-то сильней, а кто-то нет. Одеты в меха и совсем не знают цены этому. А вон там, приметил опытный взгляд варяга, дети играют с серебряным обручем, за который в Алемании можно было бы выменять половину такого селения.

Гостомысл долго готовился к тому моменту, когда приплывут варяги. Он смог выменять зимой коня у одного лесного боя, главы рода, который согласился обменять его только потому, что в зиму умерло шесть мужей в его роду и много детей, и теперь он понимал, что коня у него всё равно отберут, поэтому и выменял его на необходимое для рода. Прощаясь с конём, бой плакал.

Гостомысл подошёл к сараю, который был едва ли не лучше, чем дом, в котором жил род, и, отворив его, вывел свой дар.

Рюрик сдвинул брови и смотрел на боярина, который, полный какой-то торжественности, медленно вёл не самого лучшего коня.

Рюрик коней не любил, так как никогда на них не ездил, а держать такое животное и вовсе не видел нужды, ведь тогда ты не сможешь уйти в плаванье, так как за животным надо следить. Он знал, что франки, англы и многие другие народы коней ценят и не представляют, как может воин не уметь ездить верхом.

Гостомысл, полный достоинства, подвёл коня к Рюрику и протянул ему уздечку, которая была сделана превосходно. Конь был осёдлан, и сбруя на нём стоила в той же Алемании трёх таких коней.

– Князь! – громко провозгласил Гостомысл и в знак своего уважения опустил голову.

– Князь! – тут же повторили все славяне.

Рюрик знал, что здесь, в глухих лесах, кони ценятся очень дорого, и понимал, какой подарок преподнёс ему этот старый хромой боярин.

– Боярин! – ответил Рюрик и подумал, что на такой дар надо ответить достойным даром. Тогда он вынул прекрасный клинок из ножен и протянул его Гостомыслу.

Гостомысл взял из рук князя меч и показал всем. «Бесполезная, но красивая вещь, – подумал Гостомысл. – И за что мечи так ценят варяги. Им ни дров нарубить, ни постройку подправить, да и носить надо в особых ножнах, а то порежешься. Ну, раз подарил, то, видно, вещь ценная».

Рюрик посмотрел на славян, подошёл к коню и погладил его. Надо бы на него вскочить, а не то обидятся и подумают, что я боюсь этого зверя.

Впрочем, конь и впрямь несколько пугал варяга. Он знал, как одним ударом можно убить коня, но понятия не имел, как на таком звере ездят те же франки.

Рюрик не раз видел, как взбираются на коней, и, поставив ногу в стремя, вскочил на зверя. Оказавшись верхом на животном, которое немного дёрнулось, от чего варяг чуть было не свалился с него, Рюрик почувствовал себя великаном. Все были маленькими, а он, хоть и поднялся на коне всего на два локтя от земли, был выше любого из них.

– Князь! Князь!

Дружина Рюрика и его братья вместо того, чтобы кричать, монотонно ударяли топорами о щиты.

После торжественного приветствия боярин Гостомысл пригласил князя Рюрика внутрь своего, а теперь уже и Рюрика, дома. Когда варяги вошли в неприметное и даже показавшееся им бедным жилище славянского рода, то были удивлены. Внутри всё было чисто и опрятно,

повсюду висели шкуры. Посреди просторного дома стоял накрытый стол, за которым могло поместиться и три сотни человек.

Особенно поразило варягов обилие еды, которая была на столах.

– Когда-то давно, ещё до того, как род моей матери был побит варягами, она рассказывала, что у них тоже всегда встречали гостей накрытым столом, – сказал Олег на скандинавском наречии Рюрику и его братьям.

– Они только и умеют жрать, – сказал Трувор, – здесь не сыщешь славы, а только станешь жирным, как медведь, перед тем как заснуть в зиму.

За столом пировали все вместе. Хоть славяне и варяги не совсем друг друга понимали, но все быстро нашли общий язык, говоря одновременно и совсем не заботясь, понимает ли их собеседник.

– А я вот так впервые сижу за столом с настоящим варягом, – говорил Борис, – раньше я думал, что вы и людьми-то в полной мере не являетесь, да и какие-то вы все общипанные, словно утки или гуси, лишённые перьев.

Варяг не понимал его и только кивал головой, сам при этом тоже говоря или, верней сказать, почти крича Борису:

– Ты увидишь, мы захватим Царь Городов и заберём столько золота, что в следующей жизни мы сможем быть все ярлами. Мы закопаем его, и земля наша станет более богатой! Вот увидишь – драконы будут набиты золотом, и никто не будет знать, зачем оно в таком количестве! В Царе Городов столько злата и серебра, что можно завалить им весь этот дом!

– Да, дом у нас ладный, – отвечал Борис, видя, как варяг показал ему на размер дома, – это тебе не на драконе жить! У нас здесь просторно, а ещё я тебе хотел показать наши закрома, но это после.

– Не бойся, когда ты пойдёшь с нами в поход, то быстро перестанешь бояться смерти. Óдин – бог воинов, и ты станешь воином. Увидишь – Царь Городов взять не так-то сложно, так как ромеи – люди трусливые!

Рюрик и Гостомысл сидели рядом во главе стола, как бы не выделяя, кто из них старший. Когда все всласть наелись, Гостомысл резко встал. Рюрик встал вместе с ним, не зная обычаев и решив во всём повторять действия Гостомысла. Гостомысл между тем достал топор и положил его на стол. В этот же момент к нему подошёл мальчик лет семи, рождённый уже здесь на Ладоге, и протянул ему посох. Гостомысл пошёл в конец стола и сел среди совсем молодых парнишек, которым даже хмельного не ставили.

Рюрик недолго постоял и подошёл к Гостомыслу. Взяв его за руку, он поднял его и потянул. Гостомысл встал и пошёл с варягом, который подвёл его к столу и посадил рядом с собой.

– Боярин – всегда боярин! – сказал Рюрик и протянул Гостомыслу обратно его топор. – Он тебе ещё пригодится. А хочешь уйти, так выйди вперёд во время битвы и пади в бою.

Гостомысл, который планировал закончить жизнь, как и полагалось, в битве с диким зверем в лесу без оружия и без огня, несколько озадачился. Он не понимал всех слов варяга, но зато понимал его действия. Умереть в бою не со зверями, а с людьми! Кто же теперь нападёт на его род, если глава рода – варяг! Он, Гостомысл, своё дело сделал, он привёл их сюда, когда, казалось, уже всё потеряно. Он построил новый город и нашёл себе замену.

– Будет много битв, боярин! Не спеши опереться на посох, так как наш бой ещё не закончен! Славяне, – проговорил Рюрик. Когда он заговорил, все замолчали. – Дружина! Мы не будем здесь просто жить, так как народ, который стоит на месте, быстро исчезает. Мы будем владеть всей землёй. Ваши братья, Воислав и Ратибор, научились некоторым из наших премудростей. Они начнут учить всех вас. Вы станете воинами, и вскоре ваши топоры найдут своё применение. Если мы хотим сохранить наше добро, то мы должны научиться биться вместе. Вы и мы – теперь один народ! Все мы теперь Русь.

– Русь! – подхватили последнее слово славяне, которые не до конца поняли, что хотел сказать их князь, но поняли, что теперь они зовутся Русь, по имени рода их князя.

Дир смотрел на всё это с неодобрением, так как не видел здесь ничего хорошего. Он привёл своих людей в поход и жаждал идти, прорываясь через леса леших, по узким и большим рекам в стране лесов к Царю Городов. Хоть он и не понимал всего, о чём говорили славяне, но видел, что те вовсе не хотят идти ни в какой Царь Городов. Наверно, это какая-то хитрость Рюрика и его шурина Олега. Значит, так надо. Хуже, что его людям здесь явно нравится. Вон Хубе, отважный варяг, встал из-за стола воинов и пошёл к женщинам! Ну, славяне! Едят даже все вместе – и воины, и женщины, и дети.

Дир услышал, как там засмеялись, и красивая, одетая в меха, которым позавидовала бы и королева, дева встала из-за стола и, взяв за руки варяга, стала с ним плясать. Варяг явно не понимал, что надо делать, и лишь держался за руки со славянкой, а та, запев песню, которую тут же поддержали все, грациозно ходила вокруг варяга, словно плавала. Варяги, услышав пение славян, монотонно стукнули ладонью по столу. Вновь и вновь и таким образом получалось что-то совсем новое и неведомое.

Князь Рюрик смотрел на свой новый род и отмечал, что, несмотря на то что они такие разные, они хорошо дополняют друг друга. Вот взять того же Олега, его шурина. Он сам сын варяга и славянки, и никто не может сказать, что есть хитрее варяг или славянин, чем он. Вот эта песня и монотонные удары его дружины – словно они созданы вместе. Он понимал, что сначала надо построить дома для всех, а уж потом послать домой драконы, чтобы привезти женщин Руси. Теперь Русь здесь! Но чтобы новый род рос и креп, нужно суметь защитить его. А Рагнарссоны не забудут их и едва ли потерпят, чтобы кто-то иной стал конунгом. Кто-то, в ком нет крови Рагнара Кожаные Штаны.

Глава 2

Все вожди родов, которые обитали в окрестностях Ладоги, узнав, что варяги пришли править, а не истреблять, поспешили туда, чтобы скрепить союз с князем Рюриком и его родом.

Те, кто не хотел прихода варягов в земли, где жили их роды, теперь выжидали. В Ладогу пришло более ста человек, и все расположились прямо под открытым небом, так как погода стояла тёплая.

Князь Рюрик вместе со своей дружиной, братьями и всем родом подошёл к вождям славян, которые смотрели на варягов, как на дивных птиц. Вожди лесных родов тоже были одеты в шкуры и изделия из кожи, но из-за жары многие сняли куртки и ходили по торс раздетыми, красуясь могучими мышцами.

– Славяне, – проговорил Рюрик, – если вы хотите жить под моей защитой, то сыны ваших родов должны служить мне. Лучших я возьму в дружину, а менее пригодные станут строителями, плотниками или, постигнув ремесло, станут делать изделия для люда.

Вожди славян переглянулись между собой. Так как варяг говорил сильно коверкая слова, то многие не поняли его.

Рюрик видел это и сильно досадовал. Надо было как-то найти общий язык, чтобы можно было изъясняться понятно для всех.

– Воислав, подойди ко мне, – подозвал князь Рюрик славянина, который, целую зиму прожив среди варягов, хоть язык их не выучил полностью, но зато научился понимать самого воеводу, – скажи им мои слова!

Воислав передал слово в слово то, что сказал князь Рюрик, и тогда вожди славян громко загалдели, выражая своё недовольство.

– Коли хочешь править нами, то правь, а служить тебе наши мужи не будут, так как они служат только своему роду.

Рюрик посмотрел на славян, понимая, что эти дикие люди, привыкшие к безграничной свободе, не могут даже помыслить о том, что может так стать, что они должны будут выполнять что-либо не по воле своего рода, а по воле неизвестного им человека, который обещает их защитить. В глубоких лесах они не видят опасности и не понимают, что может стоить его защита.

– Тогда вы станете мне врагами, станете врагами моему роду, и все, кто не подчинится мне, будут преданы огню! Я уничтожу ваши селения, а ваших мужчин продам в рабство! Переведи им, Воислав.

Воислав перевёл слова Рюрика. Тогда один из вождей славян встал и проговорил, обращаясь уже не к князю Рюрику, а к Воиславу:

– Стыдись, голос варяга! Ты, презрев свой род, стал служить роду чужеземца, который, не зная леса, хочет убить нас! Неужто ты, человек нашего народа, поведёшь и укажешь ему дорогу?

Рюрик, который, несмотря на то что коверкал славянские слова, хорошо понимал их речь, сам ответил за своего дружинника.

– Теперь его род – мой, а мой – его! Я приду в ваши леса и выжгу их! Вы либо подчинитесь мне, либо умрёте, и другие, увидев вашу смерть, подчинятся!

Воислав перевёл слова Рюрика вождям. Многие из них встали, но были и те, кто не двинулся с места. Рюрик отметил, что стали возмущаться в основном старые и уже седые вожди, а те, кто был младше, по-прежнему сидели на скамьях.

– Варяг! Ты приплыл к нам и принёс не мир и торговлю, а кровь! Мы ненавидим тебя и тех, кого ты привёл! Мы презираем тех, кто станет служить тебе, и посему мы уходим из твоего рода. И будет между нами великая битва!

Рюрик ухмыльнулся, видя, что больше половины родовых вождей покинули стол, накрытый под открытым небом. Оставшиеся сидели опустив глаза.

– Князь, это молодые роды, в которых всего по два-три десятка человек. Самые сильные роды ушли, – сказал Воислав Рюрику.

– Сильные не те, кто хочет жить, как жили их предки, а те, кто понимает, что настаёт время перемен, – сказал Рюрик и, посмотрев на оставшихся глав родов, продолжил: – А вы, бояре и князья, приводите своих мужей с оружием, так как битва сама нашла нас!

– Князь, – тихо спросил Воислав, – ты и вправду хочешь повести своих людей в леса? Там, на землях родов, у них будет большое превосходство, ведь там для них каждый камешек родной! Сами боги будут на их стороне!

– Теперь это моя земля, и теперь мои боги здесь хозяева!

Прошло меньше недели с того дня. В Ладогу пришли первые мужи из тех родов, которые согласились пойти под власть Рюрика. Четверо явившихся были явно не гордостью рода, а скорее наоборот. Двое были толстыми и, видимо, страдали пороком обжорства, один был хромой с рождения, а последний хоть физически и был ладным, но не умел говорить и лишь мычал.

– Рюрик, – сказал Трувор, – посмотри, что за воинов ты собираешь! Они не ратники, а звери! Их удел – охотиться на себе подобных и носить шкуры, а не учиться биться в стене щитов! Что сможет сделать этот калека!

– Брат, раз боги дали ему жизнь, значит, для чего-то. Но я вижу, что твой топор заскучал, а посему настало время ему обагриться кровью. Бери людей своего дракона и этого хромого славянина. Идите сожгите селение того безумца, который, когда роды собрались, больше других со мной спорил! Как его имя?

– Имя его Светозар, – сказал Воислав, – позволь мне указать дорогу твоему брату!

– Нет. Трувор пойдёт с хромым.

Варяги не привыкли долго говорить. Трувор подошёл к Рюрику и хлопнул его по плечу.

– Благодарю, брат! Мой топор принесёт славу! Хромой, веди меня в земли рода Светозара!

Три десятка викингов и хромой славянин покинули Ладогу и вскорости оказались в дремучем лесу. Варяги лес не любили и видели в могучих деревьях некую затаённую опасность. Хромой вёл их неспешно, выбирая только ему ведомые тропы. Варяги шли, наступая след в след, и нередко вскидывали щиты. Трувор помнил, как однажды он уже попадал в засады в лесу и как многие из его воинов в тот день отправились пировать в Вальхаллу. Впрочем, стрела, которая пронзила первого варяга, прилетела неожиданно.

– Стена щитов! – закричал Трувор, отбивая щитом стрелу, которая была пущена в него.

Варяги быстро построились и приготовились к бою. Стрелы перестали сыпаться, и тут на них обрушились сразу три дерева, заставляя разбежаться в разные стороны, а уже после этого из леса на них бросились полудикие и одетые в шкуры славянские воины.

Трувор расхохотался и поднял свой топор.

– Братья, Óдин послал нам забаву!

Могучим ударом опытный воин сокрушил своего первого врага, который пытался пробить его копьём, и полез в гущу боя.

– Стена щитов, – что было мочи заорал Трувор, понимая, что если не суметь выстроиться, то им не выстоять поодиночке в борьбе с противником, который превосходил их по числу.

Трувор потерял трёх человек, а если считать сражённого стрелой, то четверых, прежде чем смог вместе со своими людьми выстроиться в стену щитов. Славяне, вдохновлённые первым успехом, вместо того чтобы отойти в родные леса, наоборот, решили показать свою удаль и постарались рассыпать стену щитов. Варяги поражали своих противников не неся потери, а когда дух удали у славян иссяк и они побежали в спасительный лес, то на земле осталось двенадцать тел.

Трувор посмотрел на тела павших воинов и на хромого провожатого.

– Ты знал, что впереди будет засада!

– Да! Но обойти её было невозможно. Мы трижды обошли засады, но сейчас сделать это было нельзя, так как здесь это единственная тропа.

– Далеко до славянского рода?

– Нет, – ответил хромой, – мы уже почти пришли. Только не думаю, что там нас встретят радостно!

Трувор расхохотался и показал на свой топор и на тела павших воинов.

– Я жажду нашей встречи!

К вечеру, когда мгла уже опустилась на лес и он ожил, варяги, которые несли тела своих павших, приблизились к жилищу людей. Поселение было огорожено невысоким частоколом, который препятствовал зверью из леса заходить внутрь. Навстречу варягам вышел родовой вождь Светозар и его мужчины с оружием в руках.

Трувор и его люди построились в стену щитов. Светозар смотрел на варягов с нескрываемой ненавистью, видя их чёткий строй и понимая, что если не разбить его, то у него нет никаких шансов.

Варяги монотонно ударили топорами о щиты и сделали несколько шагов, а после вновь ударили.

– Перун! – закричали славяне и побежали на варягов.

Славяне бежали со всех ног и с силой, прикрывшись щитами, ударились о строй варягов в надежде проломить его. Варяги знали этот приём и не препятствовали славянам почувствовать на секунду успех, разделившись на две части, а после яростно ударили по ним с двух сторон. Вечерняя тишина была нарушена жуткими воплями умирающих и покалеченных людей. Варяги Трувора легко расправились со славянами, и когда последние из мужей рода Светозара оказались ими окружены, то Трувор крикнул им:

– Бросьте оружие, и вы, потеряв свободу, сохраните жизнь!

– Жизнь без свободы не стоит этого, – ответили славяне и приняли смерть в бою.

Трувор приказал своим воинам предать огню селение Светозара, при этом распорядился, чтобы огонь сжёг и тела всех убиенных, так как боги заповедовали хоронить всех павших, невзирая на то, на чьей стороне они сражались, и карали за ослушание страшными болезнями, от которых умирали целые города.

Вести о том, что варяги сожгли род Светозара, быстро распространялась по всем лесным родам, и желающих сражаться поубавилось. В Ладогу стало приходить каждый день по восемьдесять человек, из которых многие были из родов, ушедших тогда вместе с Светозаром. Но некоторые роды стояли на своём, и их вожди, собравшись в сени лесов, продумывали, как самим прийти и предать огню Ладогу, изгнав из своих земель ненавистных варягов.

Рюрик между тем приказал вырыть вокруг Ладоги глубокую яму. Гостомысл, который не знал, как относиться к князю Рюрику, так как во многом не понимал не только его слов, но и дел, решился на разговор с ним.

– Князь, – спросил старый боярин, – в чём великий замысел зрелых мужей целый день заставлять на потеху всем биться с невидимым противником и защищаться от него щитом, словно он может убить тебя? Рубить по столбу, словно ты не ведаешь, как свалить его? В чём смысл рыть вокруг города яму, в которой будет собираться мутная и вонючая вода? Зачем всё это? Разве не проще учиться всем биться в вашей стене щитов?

Рюрик посмотрел на старого боярина. Князь не понимал, как славяне не могут понять самых простых, на его взгляд, вещей, что воинами не рождаются, а становятся после многих трудов. Города необходимо укреплять. Потом, когда враги пожалуют, все их труды окажутся ненапрасными.

– Боярин, увидишь, в бою эта яма остановит врагов и сохранит жизни нашим людям! Даже если нас побьют в чистом поле, то всё равно наш род сможет бороться. Десять воинов или даже старцев смогут выстоять в этой крепости против сотен мужей!

Гостомысл покачал головой, так и не понимая, что хочет сказать князь.

– А зачем биться с незримым противником, если исход боя решает стена щитов?

– В стене щитов стоят опытные воины, которые могут держать свой щит часами и только поэтому способны выжить и выдержать любой бой. Чтобы стать воином, надо не поучаствовать в сотнях битв, так как в первых же сражениях ты найдёшь свой конец, а подолгу оттачивать свои навыки, словно ты дерево, из которого делают идола.

Гостомысл стал лучше понимать Рюрика, да и тот стал говорить на более понятном славянам языке. Хотя старый боярин не сразу понял всего, но он увидел в словах князя зерно истины, а значит, оно может разрастись и стать чем-то, понятным всем.

На следующий день, к великому удивлению всего рода, боярин Гостомысл встал с топором у специально сооружённых столбов и стал биться с незримым противником. Увидев, что сам Гостомысл, прославленный боярин, так делает, биться со столбами стали уже без кривляний, а проходящие девы и женщины перестали смеяться над взрослыми мужами, которые, словно дети, играют в борьбу.

Князь Рюрик, увидев, что Гостомысл отрабатывает удары, как и все, радостно сказал своему шурину Олегу:

– Увидишь, Олег, через всего год или два у меня будет целое войско, целый новый народ варягов!

– Но стоит тебе, князь, кое-чему и у них поучиться. Когда Трувор повёл своих воинов в леса, то едва не был разбит, угодив в засаду! Нам нужно учиться бою в лесу, уметь делать засады и прочему.

Рюрик посмотрел на Олега и быстро смекнул, к чему клонит его родич. «Прав он, – подумал Рюрик и хлопнул его по плечу. – Как я сам до этого не додумался».

– Верно, Олег, пусть наши варяги вместо того, чтобы бахвалиться перед славянами, начнут учиться бою в лесу. Пусть Гостомысл и другие опытные воины славян обучат нашу дружину этим премудростям.

Глава 3

Варягам учиться ходить по лесу и разгадывать лесные загадки, такие как «какая это птичка свистит» или «селится ли эта птаха вблизи людей», нравилось не больше, чем славянам прыгать с топором вокруг столба. Делать ловушки, в которые при необходимости могли угодить враги, им тоже не нравилось, но, привыкшие слушать указания своих вождей, они послушно учились у старого боярина Гостомысла и других славян.

Люди Аскольда и Дира, которые собирались на следующий год углубиться в земли славян и спуститься вниз по течению рек в глубь непроходимых лесов, были более прилежными.

Между тем славянские вожди, которые не желали подчиниться и прислать своих юношей в Ладогу, собрались вместе и пришли к кривичам в их город Бор, где тоже проживало немало родов, чтобы вместе, как и положено по закону, обсудить, что им делать с проклятыми иноземцами.

Вождь кривичей из Бора Вадим был молод для своего положения, так как едва прожил сорок лет, но отважный и всеми уважаемый, он, бесспорно, видел угрозу в варягах, которые делали быстро то, что у него происходило крайне медленно. Вадим смог убедить родовых вождей Бора, чтобы те выделяли из своего рода каждого десятого мужчину, который должен был служить всему племени славных потомков Крива. Вадиму было проще, чем другим вождям славян, так как все кривичи признавали, что в далёком прошлом они были одним родом. Хотя между родами порой возникали споры за старшинство, но происходило это куда реже, чем в других племенах.

Когда ладожские роды, которые были недовольны правлением варягов, пришли к нему и просили его вступиться за них против угнетателей, Вадим увидел в этом свой шанс суметь объединить всех славян в один большой народ. Военный союз всегда предшествует объединению в народ. Так было и прежде, много веков назад, так будет и теперь.

Вадим слушал вождей славян с озера Ладо молча, давая каждому высказаться, хотя каждый из них, считая именно себя самым важным, начинал всё с самого начала.

– Гостомысл пришёл неведомо откуда! Хотя после он и говорил всем, что он потомок боя, основавшего Старый Город, но верить этому лжецу не стоит, так как, кроме его родичей, бродяг, как они сами говорят, даже кровным родством не связанных, подтвердить этого никто не может. Гостомысл основал город Ладо на месте варяжской крепости, которую много лет назад мы порушили, изгнав этих змей с нашей земли. Там он и поселился, надев шкуру славянина, а после, едва увидев своих настоящих родичей – варягов, тут же призвал их и решил отдать им всю нашу землю и всех наших людей. Приди, Вадим, сокруши этого лживого пса и прогони варягов в их море! Хотим, чтобы ты властвовал над нами и вёл наши роды против иноплеменников!

Дальше каждый родовой вождь рассказывал историю своего рода, прибавляя при этом, что именно его род и предложил позвать славного потомка Крива.

Вадим не обманывал себя и понимал, что под словом «властвовать» ладожане понимают лишь его руководство в войне с варягами и, может быть, последующую совместную оборону от них.

– Вожди, мы, дети Крива, услышали вашу просьбу. Поскольку ваши роды нечужие нам и говорим мы на одном языке, том, что подарили нам наши прародители, которые когда-то давно были одним родом, то мы придём к вам на помощь и прогоним варягов! Пусть эта беда соединит нас в один союз! И чтобы он стал кровным, каждый из ваших родов после победы над варягами возьмёт в жены по пять дочерей нашего рода, а в обмен отдаст пять дочерей своего рода, и таким образом мы все станем одним племенем, и в наших детях будет течь одна

кровь. Дети наши будут воспевать наши подвиги и не будут биться между собой, так как все они будут одной крови!

Родовые вожди ладожан спорить с Вадимом не стали и согласились перед лицом Перуна и других богов поклясться, что будут лить кровь и не замирятся с варягами, пока последний из проклятых иноплеменников не уплывёт или не погибнет. Клялись также, что после победы будет заключён великий кровный союз, в котором все племена породнятся между собой. Каждый род клялся перед Перуном и перед своими пращурами.

Вадим, собрав подвластных ему родовых вождей кривичей из Бора, рассказал им о принятом решении. Хоть те, как и полагалось, немного поспорили, но согласились собрать единую рать и двинуться на варягов.

В месяц червень рать родов кривичей из Бора двинулась к Ладоге. Родовые вожди вели своих мужей, одетых в меховые куртки и вооружённых топорами и копьями. Правда, кривичи больше уделяли внимания луку, и поэтому те мужи, что не достигли ещё полной своей силы, были вооружены ими. Лишь род Вадима был одет в кольчуги и на головах имел шеломы.

Соединившись с многочисленными родами ладожан, Вадим подступил к Ладоге. Когда его рать вышла из леса, то они увидели настоящую крепость. Разведчики Вадима уже говорили ему, что варяги строят укрепления.

– Воины, – закричал Вадим славянам, – варяги по душе своей некрепки – вот возвели укрепления, чтобы не смалодушничать! Истинным воинам не нужны стены и искусственные реки, чтобы защитить свои дома. Лезьте на стены, помогая друг другу! Срубим бревно и проломаем им ворота! Пусть боги ведут нас сегодня!

Сказав это, Вадим побежал вперёд, увлекая за собой своих людей и остальные роды. Воинство Вадима заревело, и казалось, что только от одного крика стены крепости рассыплются, обнажив своих защитников.

Рюрик с другими варягами знал о приближении рати Вадима и ждал её. Когда те побежали на крепость, он лишь усмехнулся.

Когда славяне оказались на расстоянии полёта стрелы, варяг махнул рукой. Со стен Ладоги взвилось множество стрел, поражая кривичей, многие из которых даже не подняли над головами щиты. Оказавшись перед рвом, заполненным мутной водой, люди смело бросились в него, и тут же первые из них были пронзены копьями, которые были закреплены на дне. Славяне никогда не сталкивались с подобным, но сразу стали пытаться прорубить копья, которые преграждали им путь. Сил и людей не жалели, желая поскорей столкнуться с варягами и вволю выплеснуть свой гнев. В это же время стрелы собирали свою жертву.

Рюрик надел шлем, спустился со стены и подошёл к воинам, которые стояли у ворот в кольчугах и шеломах.

– Óдин! – дружно прокричали варяги и выбежали из раскрывшихся ворот. Славяне, увидев своих врагов, тут же бросились на них, а те, построив свою стену щитов, стали выбивать лучших и храбрейших из них.

Вадим понимал, что всё происходит не так, как он планировал. Многие из его воинов пали, а роды подвластных ему вождей напали на стену щитов и пытались проломить её, так как имели пятикратное превосходство.

Тут из крепости послышался протяжный звук рога, и прямо из озера появились ещё варяги.

– Óдин! – послышалось оттуда, и выстроившиеся в стену щитов варяги быстрым шагом, но не нарушая строй, двинулись к славянам, грозя ударить сбоку.

Вадим с горстью людей поспешил туда и постарался сдержать варягов, но тут увидел, как с другой стороны из леса на его рать наступает ещё одна стена щитов. Только это были не варяги. Это шли славяне, и их возглас «Перун!» заставил его рать обратиться в бегство.

Казалось, в лесу, откуда пришли кривичи и их союзники, будет спасение и станет возможным, собравшись с силами, вернуться на поле битвы, но там на каждом шагу оказались ловушки. Многовековые деревья обрушивались и придавливали ратников. Повсюду были ямы, на дне которых оказались колья. Когда кривичи двигались к Ладоге, то они шли словно по специально сделанной для них дороге, поэтому не могли в них угодить. А вот когда, зажатые со всех сторон, они бежали, то пути не выбирали. Смерть поджидала повсюду, и немногие смогли спастись в тот день.

Понимая, что это страшное поражение будет иметь ужасные для него последствия, Вадим решил принять смерть в бою. С теми немногими, кто думал так же, он обрушился на славянскую стену щитов.

Вадим бился славно, не чувствуя ран. Желая найти в битве свой конец, он выбивал всё новых и новых противников. Взятый в кольцо, он бился словно медведь, но смерть не забирала его. Все, кто остался вместе с ним, давно пали, а он всё жил.

Наконец десяток славян, которые противостояли ему, бросился бежать, считая, что сам Перун избрал его и сражается с ними.

Вадим ушёл с поля боя раненным, но не убежал. Никто не дерзнул пустить стрелу в человека, которого выбрал сам Перун. Идя по дороге, по которой несколько часов назад он шёл вместе со своим родом и в мыслях о великом народе, Вадим думал лишь о том, как он отомстит и будет биться до смерти и с варягами, и с теми славянами, которые, презрев свои роды и племена, пошли под руку ворогов.

В Ладоге праздновали победу и рассказывали о своих подвигах. Синеус и Трувор похвалялись, как их драконы умело подошли к берегу и как они вынырнули словно из ниоткуда.

– Мы тоже славно бились, – проговорил Аскольд, – наша стена щитов выдержала могучий удар славян, а после собрала свою жертву. Я стоял рядом с Рюриком, и он может подтвердить, что от моего топора пало восемь славян!

Рюрик кивнул головой. Эта победа была славным делом, о котором можно слагать песни, но почему-то князь Рюрик был невесел.

– Чего кручинишься, князь? – спросил у варяга боярин Гостомысл.

– Те, кто выжил, станут умнее, а мы, упившись славой, можем перестать дорожить своей безопасностью, – проговорил князь.

– Брат, – сказал Трувор, – зачем ты гонишь себе в голову дурные мысли? Лучше возрадуйся, так как славу мы снискали в этом бою не меньшую, чем Рагнар Кожаные Штаны и его дети в Британии! Я был с ним там и помню те его победы. Они были куда менее важные, чем наши!

– Трувор, бери с собой людей и ещё возьми сотню славян. Иди к Бору и возьми его. Теперь ты будешь князем из Бора. Князем Изборским.

– Брат! Зачем это? Разве не весело нам сейчас здесь? Я не хочу уходить от тебя, так как люблю тебя.

– Ты не уходишь! Ты усилишь наш род, Трувор, тебе я верю и тебя я люблю!

Трувор кивнул головой. Хотя он и не был рад тому, что должен покинуть братьев, но спорить дальше не стал, так как если он начнёт спорить с братом, то вскоре его люди будут спорить с ним.

– Мне понравилось, как ты добил отступающих, Олег! Я не верил, что они пойдут к нам прямо по дороге, которую ты им прорубил! Ты, верно, и впрямь ведун. От твоих ловушек погибло врагов сколько же, сколько и от ударов топоров, а ты не потерял воинов.

– Рюрик, нам нужно лучше учить славян, так как их стена щитов некрепка и часто они в пылу боя хотят снискать славу и сами рушат её. Я видел, как один боготур, презрев смерть, сразил множество воинов и ушёл по дороге, словно он не проиграл, а пошёл отдохнуть! – сказал Олег.

Рюрик и сам это понимал, но не знал, как объяснить это своим новым родичам, которые, даже когда учились, не всегда прилежно строили стену щитов, и только издали она была похожа на стену щитов варягов, а если дружно по ней ударить, то она неминуемо рассыпалась.

Не уделил никто должного внимания и стрелам, так как только в начале битвы ими осыпали врагов, но потом отроки и юноши вместо того, чтобы продолжать стрелять в славян, стали смотреть на битву и кричать приветствия.

Все славяне были в восторге от мутной реки. Гостомысл предложил ещё и наловить в лесу змей, вырыть вокруг города ещё один ров и побросать их туда.

– Нет! Змеи расползутся, и в Ладоге будет нельзя ходить.

– Так кто ж на гадину наступит-то, – сказал Гостомысл, – ведь мы же знаем, что здесь полно змей. А коли они расползаться начнут, то мы их опять споймаем и в ров покидаем.

– Нет! Если здесь будут змеи, то едва ли кто здесь станет торговать.

Гостомысл не понял страха варяга перед змеями, но спорить не стал, посчитав, что тот знает, что делать.

Глава 4

Вадим вернулся в Бор, страдая от ран. Мысли его были по-прежнему там, под Ладогой, где Перун не взял его жизнь, а оставил. Сначала Вадим думал, что раны его загноятся и он умрёт, но случилось иначе. Раны затягивались на нём быстро, словно на собаке.

Когда Вадим вошёл в родной город один, без людей, которые бежали с ним из-под Ладоги, и, не зная, жив ли хоть кто-то из них, все жители стянулись к нему.

Они молча смотрели на родового вождя, в которого верили и которого считали едва ли не бессмертным.

– Люди из Бора! – громко произнёс Вадим. – Наши мужи пали, наша победа досталась врагу!

Люди смотрели на него и не понимали, как такое может быть, ведь из Бора вышло настоящее воинство, которое просто не могло проиграть.

Старцы, женщины и дети смотрели на Вадима, но никто не хотел ни о чём его спрашивать. Вадим, войдя в дом своего рода, несколько дней не выходил оттуда, и кто-то даже поговаривал, что он умер от горя, но это было не так. Вадим заставил себя вернуться к жизни. Он думал о той мести, которую заслуживают варяги, но он понимал, что до той поры, пока он не научится преодолевать стену щитов, варяги непобедимы.

Когда Вадим вышел наконец из родового дома, то он узнал, что из-под Ладоги вернулось менее десяти мужей.

– Кривичи! – обратился Вадим к своему народу. – Мы проиграли битву, но мы будем сражаться и дальше! Пусть мы истекаем кровью, но скажите, какой зверь наиболее лютый? Раненый! Враги придут сюда, чтобы поработить нас, но мы станем сражаться!

– Сражаться? Зачем? Уж не затем ли, что ты, Вадим, хочешь найти свою смерть, чтобы ею смыть свой позор? – спросил один из стариков. – Двое моих сыновей погибло, пойдя с тобой! Четверо внуков не вернулось, и поэтому я вместо того, чтобы принять смерть в бою с зверем в лесу, должен жить, так как в нашем роду осталось совсем мало мужей!

– Враги придут в наш город и подчинят нас, если мы не возьмём в руки оружие! Мы должны позвать на помощь других потомков Крива, тех, что живут в городе Смоль! Вместе мы выстоим!

– Вадим, это не наша война! – ответил старик. – Мы больше не хотим сражаться, так как слёзы по павшим застилают нам глаза, а боль от того, что мы можем потерять новых воинов…

– Замолчи, старик, тебе и вправду пора найти в лесу свою смерть, – резко прервал его Вадим. Видя, что хоть его авторитет и пошатнулся, но его по-прежнему слушают, он обратился к Ратмиру, одному из воинов, который вернулся с ним из-под Ладоги: – Скажи, видел ли ты меня бегущим?

– Нет, Вадим, ты не бежал с поля боя, так как в тебя вселился Перун и сам направлял твою руку!

– Поэтому мы будем биться. Но биться мы будем по-иному, без прошлой удали, а так, как бились они с нами. Мы бежали, и они добивали нас, а после мы попали в ловушки и погибали, словно звери. Они стали бороться с нами подло, и мы ответим на подлость подлостью, на хитрость хитростью!

Гордые потомки Крива посмотрели на родового вождя Вадима, словно тот предлагает им какое-то злодейство, но никто ничего не ответил ему. Не было радостных возгласов, и только тягостное молчание было их ответом.

– Иди в город Смоль, позови на помощь других кривичей и скажи им, что если сегодня они не помогут нам, то завтра будут побиты варягами, так как теперь тем нужно не наше богат-

ство, а наша судьба. Они пришли сюда, чтобы здесь построить свои семьи и стать нашими поработителями.

Спустя день охотники сообщили, что через лес к Бору двигается войско варягов и славян, но идут они очень осторожно и к вечеру достигнут Бора. Вадим, который по-прежнему страдал от ран, понял, что варяги решили не медлить, а ударить сразу, не давая ему собраться с силами. Он вновь вышел к народу, который собрался у его дома.

– Славные сыны Крива! Забираем всё, что может нам пригодиться, и уходим в леса! Пусть варягов ждут пустые дома, а мы будем от них скрываться в дремучих лесах!

– Вадим! Многие мужи, что пошли с тобой, не вернулись, многие дети, что живы сейчас, умрут! Если мы пойдём за тобой, то смерть ждёт наш род! Ты славный бой, и в тебя вселяется Перун, поэтому дух твой не сломлен, а мы не хотим смерти!

– Если мы примем бой как раньше, став у ворот нашего города, то мы все умрём!

– Нет, Вадим, мы, старики, те, кто теперь считается главами родов, так как все наши сыны пали, собрались и решили, что мы подчинимся варягам, но сохраним наших детей! Тебя и твой род никто не держит. Хочешь – иди в леса и сражайся, а хочешь, как и мы, склони голову и подчинись тем, кто сильнее.

Для Вадима эти слова старика, который должен доживать свои последние деньки, были хуже десятков ран. Его народ, ещё недавно гордый и сильный, не хочет биться за свою свободу и готов склонить голову. «Нет, – подумал Вадим, – даже если вы сдадитесь, я не сдамся! Я верну свободу своему городу, ту свободу, которую потерял, приведя людей на смерть».

– Хорошо, старик, склони голову и пади ниц перед варягом, так как это твой удел, а мой удел – сражаться, и я не отступлюсь. Есть кто-нибудь, кто хочет биться со мной за свободу нашего народа?

Все молчали. Никто не захотел последовать за Вадимом, который, усмехнувшись, ушёл в свой дом и, взяв там оружие, покинул город.

Вечером к Бору подошла рать варягов и славян под предводительством Трувора. Варяг увидел перед собой большое собрание мужей, в основном старых или молодых, зрелых там не было. Они стояли перед городом, но в руках у них не было копий или топоров.

Трувор вышел вперёд и пошёл к ним. Навстречу ему вышел один из стариков. Когда на середине пути они поравнялись, то старик молча посмотрел в глаза варягу. Они смотрели друг на друга очень долго. Наконец старик отвёл взгляд и произнёс:

– Иди и правь нами, варяг!

Трувор кивнул и сделал знак своим людям. Вместе с ними он вошёл в город. Варяги расположились внутри, заняв дом, в котором раньше жил Вадим, а славяне расположились у других родов. Кривичи не спорили с варягами. Трувор понимал, что они сокрушены духом. Варяг видел, что в их домах нет мужей, так как, видно, те пали в битве.

На следующий день Трувор вышел со своими людьми и увидел, что к нему пришли с дарами главы родов, которые остались в городе, и главы родов, которые жили в окрестностях. Варягу преподносили меха, мёд и другие ценные вещи, а после один из его дружины подошёл к Трувору.

– Трувор, там в сарае стоит конь. Думаю, этот конь должен быть твоим!

Трувор, как и его брат, не любил лошадей, но понимал, что славяне сильно уважают хозяев коней, поэтому подошёл к сараю. Внутри стоял могучий жеребец. Животное было взволнованно и било копытами. Трувор медленно, словно боясь напугать зверя, подошёл и погладил его. Конь несколько успокоился. Тогда Трувор взял висевшую на стене уздечку и надел на коня, а после вышел с ним к людям.

– Этот конь раньше принадлежал нашему вождю и родичу Вадиму, но теперь, видимо, он твой, – проговорил один из глав родов, – теперь ты князь!

Трувор только кивнул головой, а после посмотрел на старика. Славянский язык Трувор знал ещё хуже, чем Рюрик, но решил всё же ответить.

– Ро-дии-чии, я решил, что у вас много жён, а у меня много мужей. Мужи мои – славные варяги, бои, возьмут ваших дочерей и жён, которые потеряли своих кормильцев, в свои семьи, и мы станем один народ.

Варяг говорил это очень медленно, стараясь выговорить каждое слово, и у него это получилось. Его поняли, и с ним согласились.

– Чтобы не было ссор между нашими народами, отныне мы все станем одним народом и будем вместе биться в стене щитов. Наши мужи станут сокрушать другие племена, у нас появятся общие дети, а чтобы никто не увидел в моих словах обман, я сам возьму себе в жёны одну из дев!

Кривичи согласно кивали, и многие увидели в варяге умного правителя. Сам же Трувор делал и говорил слово в слово то, что ему сказал его брат Рюрик. Ему не нравилось то, что от него требовали, но ослушаться брата он не мог.

К вечеру все праздновали, так как множество дев вышло в тот день замуж за варягов. Каждый варяг взял себе в жёны по одной женщине из рода кривичей. Трувор посмотрел на свою избранницу.

– Как тебя зовут? – спросил он у девы, одетой в меха и украшенной венком из цветов.

– Лесняна я, супруг, а как твоё имя?

– Трувор. Лесняна… Красивое имя. Ты сможешь выучить язык моего народа? Мне неудобно говорить на вашем языке.

Лесняна кивнула, и Трувор перешёл на свой родной язык, но та ничего не поняла. Тогда варяг неспешно взял её на руки и понёс внутрь дома.

Другие варяги, который в этот же день также взяли себе в жёны славянок, подчиняясь своему воеводе, сделали так же, как и Трувор.

Старики из родов, которые жили в Бору, собрались вместе и перешёптывались.

– Теперь мы один народ с варягами, как и ладожане!

– Посмотрим, что они за люди, – ответил ему другой, более ворчливый, но в душе довольный тем, что не будет ещё одного кровопролития.

– Да, и они не стали потешаться над нами, хоть мы и проиграли битву! Я смотрю на варягов и вижу, что все они мужи крепкие, если такие мужи появятся в родах, то ими можно гордиться. Тела их покрыты шрамами, и видно, что все они люди отважные!

– Только не думаю, что всегда всё будет так мирно, – медленно сказал один из стариков, – Вадим не успокоится, и кровь польётся вновь!

– Вадим ушёл, и это уже его война. Но коли он пойдёт против них, то, значит, уже и против нас.

– Ты так думаешь, другие по-другому. Кому-то это крепко не по душе, и они видят в варягах врагов. Нам ещё неизвестны их истинные намерения.

Тем же вечером в лесу Вадим встретился с мальчиком из его рода, который приходился ему племянником.

– Варяги и наши роды породнились, и теперь у всех у нас будет течь одна кровь! Бой Вадим, вернись домой, так как наша война закончилась и теперь приходит другое время.

– Нет! Война кончится, когда последний варяг уплывёт с нашей земли.

Сердце Вадима разрывалось от того, что он слышал. Он в ярости сжал кулаки, когда узнал, что Трувор забрал его коня. Вадим не мог увести животное с собой, но теперь сильно жалел, что не убил его.

– Бой Вадим, Лесняна, дочь твоего брата, вышла замуж за князя Трувора!

Вадим в ответ заревел, словно смертельно раненный зверь.

– Клянусь богами, я отомщу! Я убью Лесняну и убью Трувора! Позор будет смыт.

Мальчишка испугался слов, которые он услышал от своего родича, но ничего не ответил.

– Я ухожу, но когда ты увидишь в лесу на этом месте знак, то знай, что я вернулся и мне нужна твоя помощь! Ты будешь и дальше служить нашему роду!

– А как мне быть, бой Вадим, всем говорить, что я по-прежнему служу тебе?

– Нет, притворись, что ты служишь варягам. Соглядай всё, что ты там увидишь. Потом расскажешь мне! Пройдёт время, и я вернусь с войском. И тогда наш народ отблагодарит тебя, а всех, кто вступил в эти кровные союзы, мы выжжем, словно гнилое мясо на ране!

Сказав это, Вадим растворился в лесу. Он не собирался сдаваться и, склонив голову, услуживать варягам.

Глава 5

По всем землям в округе Ладоги разнеслись слухи о том, что новый могучий род Русь соединяет отдельные роды, становясь великим родом. В Ладоге и Боре строились дома и возводились укрепления.

Группа старейшин из племени весь шла к Ладоге, вокруг которой лес был вырублен, и теперь нельзя было подкрасться незаметно. Шёл месяц листопад, или октябрь, поэтому который день подряд моросил мелкий дождик.

Старейшины из племени весь, того самого, что обитало на берегу Белого Озера, смотрели на Ладогу и дивились.

– Смотри, Артуу, дивно как, вокруг города стены, словно к ним летучие змеи прилететь могут! Правду говорят, что они реки вырыли и пустили их вокруг города.

Его спутник лишь покачал головой и указал на человека в доспехах, который ходил по стене.

– И он что, так круглый день ходит? Дождь ведь!

Старейшины, люди могучие и бывалые, подошли к городу, ворота которого были открыты, и вошли внутрь. У пристани стояли корабли, а по улицам ходили варяги и славяне, разговаривая между собой на каком-то странном языке. Два языка словно смешались один с другим и стали каким-то новым наречием.

– Взгляни, вон, несмотря на дождь, прямо по центру города меняют всё!

– Ага, а ещё, смотри, они себе шалашики построили, чтобы на них дождик не капал! Хитрецы! Видно, меняют они так круглый год и целый день!

На старейшин никто внимания не обращал, и те спокойно обошли весь город. Долго они смотрели на то, как молодые парни потешались. Сомкнув щиты, эти юноши словно подражали друг дружке, повторяя одни и те же движения. Другие налетали на них и пытались разломать стену щитов. Немало людей билось у столбов с незримым противником.

Старейшины еле сдерживали себя, чтобы не рассмеяться.

– Скажи мне, добрый человек, – нараспев сказал старейшина Артуу, – кто великий вождь этого народа и где я могу его увидеть?

Славянин посмотрел на старейшину из племени весь и, взяв его за руку, подвёл к человеку, который бился со столбом.

– Князь, эти люди хотят видеть тебя!

Рюрик посмотрел на старейшин и, быстро оценив их взглядом, понял, что перед ним не простые бродяги.

– Из какого вы рода и племени?

– Мы весь из Белого Озера, князь, и знаем, что твой род силён и велик, а наши роды раздираемы противоречиями. Приди к нам и правь нами или пошли своего человека. Он станет отцом всем нашим родам, и мы будем во всём слушать его волю.

Рюрик с трудом понял речь старейшины. О том, что у них междоусобицы, он уже знал, так как несколько недель назад их люди приезжали в Ладогу менять свои товары на его изделия, которые он выторговывал у заморских гостей. В последние время многие из его варягов говорили, что соскучились по настоящим сражениям, и многие хотели поскорей уплыть из Ладоги. С интересом все они присматривались к Аскольду и Диру, которые собирались следующей весной пойти в страну лесов на поиски Царя Городов. Взять под своё покровительство, помимо людей Изборска, ещё и весь было непросто, так как варягов и так было мало.

– Я должен подумать. Я поговорю с братом и на следующий день дам вам ответ.

Рюрик и Синеус вечером сели вместе, чтобы разделить трапезу. Боярин Гостомысл также присоединился к ним.

– Весь хочет пойти под нашу руку! – сказал Рюрик, обращаясь к брату и боярину.

– К чему они нам, – отозвался Гостомысл, – они бедны и слабы, да ещё никак не могут разобраться, кто их предок, вот и грызутся между собой, словно дети малые!

– Брат, – возразил боярину Синеус, – чем больше станет наше государство, тем сильнее станем мы! В тот день, когда мы достанем свои топоры и обрушимся на врагов, нам не будет важно, кто стоит в нашей стене щитов: весь, кривич или ладожанин!

Рюрик кивнул головой, а после сказал:

– Вот что беспокоит меня. Государство, которое мы строим, полно противоречий. Так и не поймёшь, что мы один Род. Что мы Русь! Как быть нам, что посоветуете?

– Брат, если роды, которыми мы правим, такие разные, то нет ли смысла построить нам такой город, где будут жить все люди всех родов? Таким образом все мы станем одним народом!

– Ты говоришь о том, чтобы срубить новый город, Синеус?

– Да, Рюрик. Этот город будет построен не славянами, не кривичами, не весью, не варягами, а всеми! Он будет для всех своим городом, и тогда мы точно станем единым родом – Русь!

– Синеус, ты возьмёшь с собой три десятка варягов и сотню славян, тех, что вернулись из похода с Трувором, и придёшь править к веси! Там ты сядешь княжить, и спустя пару лет, когда наши княжества окрепнут, мы все вновь увидимся и решим, где нам основать новый город!

Утром Рюрик пригласил к себе старейшин веси и обратился к ним:

– Я подумал и решил отправить к вам княжить своего брата Синеуса. Вы от имени всего рода поклянётесь, что будете во всём слушать его и подчиняться ему. Помните, он – Русь. Я – Русь. Вы – Русь.

Старейшины молча выслушали князя Рюрика и, поклонившись ему, сняли с себя свои обереги и торжественно поклялись во всем слушаться его брата.

Синеус хлопнул князя Рюрика по плечу.

– Брат, настало время и нам с тобой на время направить наших драконов в разные стороны. Но чем дольше будет наша разлука, тем веселей будет встреча!

– Иди, брат, и правь весью! Я люблю тебя и хочу, чтобы в следующий раз, когда мы увидимся, ты был так же здоров и крепок, как сейчас!

Братья обнялись, и Синеус отправился собирать людей, чтобы отправиться на Белое Озеро. Рюрик смотрел ему вслед. Когда Трувор стал править людьми из Бора, ему было грустно, так как вместе с Трувором ушло бесшабашное веселье. Сейчас уходил Синеус, и Рюрик понимал, что вместе с ним уходит размеренность. Из самых близких его родичей остался только Олег – хитрый и ловкий.

После того как Синеус покинул Ладогу, к Рюрику подошёл Аскольд и сказал:

– Рюрик, я пришёл с тобой в земли лесных людей, так как твой родич звал нас в поход на Царь Городов. Мне кажется, что приходит время мне продолжить свой путь.

– Аскольд, впереди осень и зима, и реки скоро сомкнутся льдом!

– Да, Рюрик, но я хочу, чтобы ты знал, что это время придёт! Многие из твоих людей хотят плыть со мной, и поэтому я задам тебе вопрос. Ты отпустишь их со мной?

Рюрик стиснул зубы. Он знал, что большая часть его людей тяготится здесь. Им наскучила тихая жизнь. А без них сможет ли он удержать порядок в своих землях? Но князь не мог противиться воле своей дружины.

– Коли они хотят плыть с тобой, то пусть плывут! Ты знаешь, Аскольд, что я не вправе мешать им и если они не хотят больше слушать меня, а хотят пойти в твою дружину, то это их воля.

Аскольд кивнул Рюрику. Они с братом уважали сыновей Руса, и сейчас Рюрик оправдал их ожидания. Князь Руси не стал противиться воле своих людей и готов был их отпустить.

– Мы вернёмся из похода на Царь Городов. Увидишь, мы привезём много богатств, и тогда мы, как и положено, отдадим часть тебе, конунг!

– Я не конунг, Аскольд, я князь, – сказал Рюрик и показал на варяга, который шёл вместе со славянином, – вот мой народ.

Аскольд улыбнулся и хлопнул Рюрика по плечу.

– Увидишь, князь, настанет день, и твой род научится строить стену щитов не хуже, чем мы!

Весной, когда стало возможно плыть по рекам, шесть драконов из восьми покидали Ладогу. С Аскольдом и Диром последовала почти вся дружина Рюрика, а те, кто оставался со своим воеводой, с завистью посматривали на тех, кто садился в драконы.

Рюрик и сам в глубине души завидовал тем, у кого сейчас под ногами вновь окажется не земля, а дно дракона. Аскольд и Дир подошли к нему и Олегу и крепко обняли их.

– Ну, князь, мы плывём в поисках славы и чтобы прославить твоё и своё имя! Коли мы видимся в последний раз, надеюсь, что когда мы окажемся в Вальхалле, то на пиру расскажем о том, как мы приняли смерть! Я слышал, что Царь Городов настолько богат, что после нас ты тоже сможешь сплавать туда, чтобы наполнить и своих драконов богатством.

Говоря это, Аскольд смотрел прямо в глаза князю Рюрику и видел в них боль. Каждое слово заставляло бывшего воеводу варягов страдать. Казалось, сейчас Рюрик хлопнет его по плечу и сам впрыгнет на дракон, и все варяги закричат ему приветствие. Кто знает, может, именно для этого и говорил такие слова Аскольд. Рюрик так и не сдвинулся с места, но вместе со своим шурином Олегом ещё очень долго смотрел вслед уплывающим драконам.

– Они никогда не вернутся, – сказал Рюрик, – я никогда больше не увижу своей дружины!

– Князь, – ответил ему Олег, – те, кто остался с тобой, – и есть твоя дружина. Вон видишь тех юношей, что учатся строить стену щитов? Они твой род!

Князь Рюрик и Олег вместе подошли к славянам, которые строили стену щитов. Но она у них получалась некрепкой и разваливалась, стоило хоть чуть-чуть надавить на них.

– Русь, – обратился Рюрик к юношам славян и к варягам, которые провожали своих соплеменников, – встаньте в одну стену. Смотрите и учитесь! Мы один народ, и только если сегодня мы научимся стоять вместе в одном строю, то тогда, когда случится битва, мы выстоим.

Говоря это, Рюрик и сам встал в строй. За ним последовал Олег.

– Стена щитов! – закричал Рюрик, и все сомкнули ряды.

Рюрик ударил топором о щит, и варяги сделали так же. Славяне повторили их действие, но получилось жалко.

Рюрик ударил вновь, и тогда строй повторил этот удар уже более монотонно.

– Стоя в стене щитов, вы должны представлять, что мы непобедимый зверь. Что мы частичка этого зверя и что мы действуем как один. Никто не может действовать самостоятельно, так как этим он не только отдаст свою жизнь, но и предаст того, кто надеялся на его защиту. Мы все один – мы Русь!

После тренировки Рюрик и Олег сели у огня и смотрели долго на пламя.

– Олег, надо тебе отправиться в наши старые дома и привезти сюда наших женщин!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.